

EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS
COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME

Руководство по статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.

Запрещение пыток

Первое издание – 31 декабря 2021 г.

Данный документ подготовлен Секретариатом и не является обязательным для Суда.

Издатели или организации, желающие воспроизвести настоящий документ (или его перевод) в печатном издании или путем размещения в сети «Интернет», должны обратиться за дальнейшими инструкциями по адресу: publishing@echr.coe.int

Сведения о переводах руководств по практике Суда, находящихся в стадии подготовки, размещены на сайте Суда в разделе [Pending translations](#).

Настоящее Руководство изначально составлено на английском языке. Текст Руководства был окончательно доработан 31 декабря 2021 г. Руководство будет регулярно обновляться. Оно может быть подвергнуто редакционной правке.

Документ доступен для скачивания по адресу <www.echr.coe.int> (Case-law – Case-law analysis – Case-law guides). Сведения об обновлениях будут публиковаться в аккаунте Суда в Твиттере <<https://twitter.com/echrpublication>>.

Перевод опубликован по согласованию с Советом Европы и Европейским Суд по правам человека и является исключительной ответственностью МРОО «Комитет против пыток».

© Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2022 г.

Содержание

I.	Общие положения.....	6
A.	Толкование статьи 3 Конвенции	6
B.	Обязательства государства, предусмотренные статьей 3 Конвенции	6
C.	Область применения статьи 3 Конвенции	6
D.	Виды запрещенного обращения и наказания	7
1.	Пытка	7
2.	Бесчеловечное обращение или наказание.....	9
3.	Унижающее достоинство обращение или наказание.....	10
E.	Взаимосвязь между статьями 2 и 8 Конвенции.....	12
II.	Запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания со стороны либо при содействии представителей государства	13
A.	Предварительные замечания.....	13
B.	Оценка доказательств.....	13
1.	Стандарт доказывания	14
2.	Бремя доказывания.....	14
C.	Применение силы представителями государства.....	14
1.	Общие положения.....	14
2.	Применение специальных средств и средств сковывания движения	16
D.	Раздевание и личный досмотр	17
E.	Военная служба	17
F.	Условия содержания под стражей.....	18
G.	Медицинское обслуживание в местах лишения свободы	18
H.	Страдания родственников жертвы	19
1.	Предварительные замечания.....	19
2.	Родственники исчезнувших лиц.....	19
3.	Подтвержденные случаи смерти	20
4.	Обращение с телами погибших лиц	20
5.	Иное	21
I.	Осуждение и вынесение приговора	21
1.	Возраст, с которого наступает уголовная ответственность.....	21
2.	Крайне несоразмерные меры наказания	22
3.	Смертная казнь	23
4.	Пожизненное лишение свободы	23
J.	Выдача и выдворение	24
K.	Принудительное медицинское вмешательство	25
a.	Общие принципы	25

b.	Принудительное кормление	25
c.	Принудительное психиатрическое лечение	25
d.	Принудительная стерилизация	26
e.	Изъятие наркотических средств и иных доказательств из тела человека	26
III.	Защита от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания со стороны лиц, не являющихся представителями государства	27
A.	Объем позитивных обязательств государства	27
B.	Характер позитивных обязательств государства	28
1.	Обязанность создать соответствующую нормативно-правовую базу	28
2.	Обязанность принимать оперативные меры по предотвращению нарушений ..	29
C.	Примеры ситуаций	30
IV.	Обязательство расследовать утверждения о пытках, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении или наказании	31
A.	Объем процессуальных обязательств	31
B.	Цель расследования	31
C.	Характер и степень анализа	32
D.	Стандарты расследования	32
1.	Предварительные замечания	32
2.	Независимость	33
3.	Адекватность	34
4.	Быстрота и своевременность	35
5.	Общественный контроль и участие жертвы	36
E.	Вопросы, касающиеся уголовного преследования, назначения наказания и возмещения вреда	37
F.	Расследование преступлений по мотиву ненависти	38
G.	Процессуальные обязательства в трансграничном контексте	39
H.	Возобновление процессуальных обязательств	39
	Перечень упоминаемых дел	41

Примечание для читателей

Настоящее Руководство является частью серии публикаций, посвященной практике Европейского Суда по правам человека (далее также – «Суд», «Европейский Суд» или «Страсбургский Суд»). Данная серия предназначена для предоставления практикующим юристам сведений о ключевых постановлениях и решениях, вынесенных Страсбургским Судом. В настоящем Руководстве анализируется и обобщается судебная практика по статье 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее также – «Конвенция» или «Европейская конвенция»). Читатели смогут ознакомиться с ключевыми принципами в данной сфере, а также со значимыми делами из практики Суда.

Приведенная в настоящем Руководстве судебная практика выбрана из числа основополагающих, значимых и/или недавних постановлений и решений Суда.*

Судебная практика служит не только для разрешения конкретных дел, находящихся на рассмотрении Суда, но и для более широких целей толкования, защиты и совершенствования норм, установленных Конвенцией. Таким образом практика Суда содействует соблюдению государствами обязательств, принятых ими в качестве Договаривающихся Сторон (*Ireland v. the United Kingdom*, 1978 г., § 154; *Jeronovičs v. Latvia*, [БП], 2016 г., § 109).

Таким образом, задача конвенционной системы заключается в том, чтобы в общих интересах разрешать вопросы, относящиеся к общественному порядку, и тем самым повышать стандарты защиты прав человека и расширять судебную практику в данной области в государствах-участниках Конвенции (*Konstantin Markin v. Russia*, [БП], 2012 г., § 89). Суд обращал особое внимание на роль Конвенции как «конституционного инструмента европейского общественного порядка» в области прав человека (*Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland*, [БП], 2005 г., § 156; *N.D. and N.T. v. Spain*, [БП], 2020 г., § 110).

Руководство содержит ссылки на ключевые слова для каждой из цитируемых статей Конвенции и Протоколов к ней. Перечень правовых проблем применительно к каждому делу обобщен в списке ключевых слов по ссылке [List of keywords](#). В большинстве дел слова выбраны из тезауруса терминов, используемых непосредственно в тексте Конвенции и Протоколов к ней.

База данных по практике Суда [HUDOC](#) предоставляет возможность поиска по ключевым словам. Поиск по ключевым словам позволяет составить подборку документов по схожей правовой проблематике (разъяснения и выводы Суда в каждом деле обобщены с помощью ключевых слов). Ключевые слова по конкретным делам можно найти по ссылке «Case Details» в базе данных HUDOC. Более подробные сведения о правовой базе и поиске по ключевым словам доступны по ссылке [HUDOC user manual](#).

* Ссылки на цитируемые постановления и решения Суда и Европейской Комиссии по правам человека (далее также – «Комиссия»), приведенные в электронной версии настоящего Руководства, предназначены для перехода к текстам соответствующих документов на английском или французском языках (два официальных языка Суда). Если не оговорено иное, все указания на дела отсылают к постановлениям, вынесенным Палатой Суда. Также используются следующие сокращения: «(реш.)» — «решение Суда»; «[БП]» — «дело рассмотрено Большой Палатой Суда». Постановления Палаты, которые не являются окончательными на момент публикации данного документа (или обновления к нему), отмечены звездочкой (*).

I. Общие положения

A. Толкование статьи 3 Конвенции

1. При толковании статьи 3 Конвенции Суду необходимо учитывать, что предмет и цель Конвенции как правового акта, обеспечивающего защиту прав человека, требуют такого толкования и применения ее норм, при котором предусмотренные ею гарантии являлись бы реальными и эффективными. Любое толкование гарантируемых прав и свобод должно соответствовать общему духу Конвенции как правового акта, целью которого является обеспечение и развитие идеалов и ценностей демократического общества (*Soering v. the United Kingdom*, 1989, § 87).

2. В статье 3 Конвенции закреплена одна из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Запрещение пыток, а также бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания представляет собой ценность цивилизованного общества, которая тесно связана с уважением человеческого достоинства (*Bouyid v. Belgium*, [БП], 2015, § 81). Рассматриваемый запрет является абсолютным. В соответствии со статьей 15 § 2 Конвенции, какие-либо отступления от него недопустимы даже в случае чрезвычайной ситуации, угрожающей жизни нации. Отступление от данного запрета также является недопустимым и в самых сложных обстоятельствах, таких как борьба с терроризмом и организованной преступностью, увеличение потока мигрантов и лиц, ищущих убежища. Рассматриваемый запрет не зависит от поведения самого лица (*A. and Others v. the United Kingdom*, [БП], 2009, § 126; *Mocanu and Others v. Romania*, [БП], 2014, § 315; *El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 195; *Z.A. and Others v. Russia* [БП], 2009, §§ 187-188) или характера преступления, предположительно совершенного данным лицом (*Ramirez Sanchez v. France* [БП], 2006, § 116; *Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 87).

B. Обязательства государства, предусмотренные статьей 3 Конвенции

3. Действие статьи 3 Конвенции обычно распространяется на ситуации, в которых запрещенная форма обращения является результатом умышленных действий представителей государства или публичных властей. Если характеризовать рассматриваемую норму в широком смысле, то, в первую очередь, она налагает на государства негативное обязательство воздерживаться от причинения серьезного вреда лицам, находящимся под их юрисдикцией (*Hristozov and Others v. Bulgaria*, 2012, § 111).

4. В то же время, по мнению Суда, статья 3 Конвенции также налагает на государства позитивные обязательства, которые включают в себя, во-первых, обязательство создать нормативно-правовую базу, защищающую соответствующее право; во-вторых, в определенных обстоятельствах — обязательство принимать своевременные меры для защиты конкретных лиц от угрозы обращения, противоречащего рассматриваемому запрету; и, в-третьих, обязательство провести эффективное расследование небезосновательных утверждений о подобном обращении. Как правило, первые два аспекта вышеупомянутых позитивных обязательств рассматриваются в качестве «материально-правовых», в то время как третий аспект соответствует процессуальному обязательству государства (<http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-207953X> and *Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 178).

C. Область применения статьи 3 Конвенции

5. Запрет, предусмотренный статьей 3 Конвенции, не распространяется на все случаи жестокого обращения (*Savran v. Denmark* [БП], 2021, § 122). Согласно устоявшейся

практике Суда, статья 3 Конвенции применима к обращению, достигающему минимального уровня жестокости. Оценка данного уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств конкретного дела, например, от продолжительности обращения, его физических и психологических последствий, а также, в некоторых случаях, от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (*Muršić v. Croatia* [БП], 2016, § 97).

6. При определении того, был ли достигнут требуемый порог жестокости, во внимание также принимаются и иные факторы, в частности: (а) цель, с которой было применено жестокое обращение, а также умысел и мотив, стоящие за таким обращением (следует отметить, что отсутствие умысла унижить жертву не является поводом исключить вывод о нарушении статьи 3 Конвенции; (b) обстановка, в которой было применено жестокое обращение, например, атмосфера повышенной эмоциональной напряженности; и (c) уязвимое положение жертвы (*Khlaifia and Others v. Italy* [БП], 2016, § 160).

7. При оценке того, подверглось ли лицо обращению, достигающему минимального уровня жестокости, в том числе со стороны частных лиц, Суд принимает во внимание целый ряд обстоятельств, каждое из которых может иметь существенное значение. Все данные обстоятельства предполагают, что обращение, которому подверглась жертва, являлось следствием умышленных действий (или бездействия). Таким образом, телесные повреждения, а также физические и нравственные страдания, которые лицо испытывает в результате происшествия, возникшего в силу случайности или неосторожного поведения, не могут рассматриваться в контексте статьи 3 Конвенции как следствие «обращения», которому лицо было «подвергнуто» (*Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania* [БП], 2019, § 121 и § 123).

8. В то же время, в ситуации, когда лицо лишено свободы или, в более широком смысле, сталкивается с сотрудниками правоохранительных органов, любое поведение последних, преследующее цель унижить человеческое достоинство такого лица, является нарушением требований статьи 3 Конвенции. (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, §§ 100-101)

D. Виды запрещенного обращения и наказания

1. Пытка

9. При квалификации конкретного вида жестокого обращения как пытки Суд учитывает различие между данным понятием и понятиями бесчеловечного и унижающего достоинство обращения, предусмотренное в статье 3 Конвенции. Посредством данного разграничения создатели Конвенции намеревались подчеркнуть осуждение умышленного бесчеловечного обращения, причиняющего серьезные страдания. Аналогичное разграничение содержится в статье 1 Конвенции ООН против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее также — «Конвенции ООН против пыток») (*Ireland v. the United Kingdom*, 1978, § 167, *Selmouni v. France* [БП], 1999, § 96; *Ilașcu and Others v. Moldova and Russia* [БП], 2004, § 426).

10. Помимо уровня жестокости обращения во внимание также принимается элемент целенаправленности, присутствующий и в Конвенции ООН против пыток, согласно которому пытка представляет собой умышленное причинение сильной боли или страданий с целью, в том числе, получения сведений или признания, наказания или запугивания (*Selmouni v. France* [БП], 1999, § 97; *Salman v. Turkey* [БП], 2000, § 114; *Al Nashiri v. Poland*, 2014, § 508 и *Petrosyan v. Azerbaijan*, 2021, § 68).

11. Необходимо учитывать, что Конвенция как правовой инструмент не является статичной и что толкование ее положений должно учитывать современные условия существования общества. Таким образом, действия (или бездействие), которые в прошлом были признаны «бесчеловечным и унижающим достоинство обращением», в

будущем могут получить иную правовую квалификацию. По мнению Суда, высокие стандарты, необходимые в сфере защиты прав человека и основных свобод, соответственно и неизбежно нуждаются в большей решительности при оценке нарушений основополагающих ценностей демократических обществ (*Selmouni v. France* [БП], 1999, § 101).

12. Например, было установлено, что обращение достигло уровня «пытки», в следующих случаях:

- заявитель, находившийся под контролем полиции, был полностью раздет и подвешен за связанные за спиной руки («палестинское подвешивание») представителями государства с целью получения признания (*Aksoy v. Turkey*, 1996, § 64);
- заявитель, находившийся под контролем властей, был изнасилован и неоднократно подвергался иному жестокому обращению в физическом и психологическом плане (*Aydin v. Turkey*, 1997, §§ 83-87; *Maslova and Nalbandov v. Russia*, 2008, § 108, в котором заявительница была неоднократно изнасилована и подверглась иному физическому насилию во время допроса; *Zontul v. Greece*, 2012, § 92, в котором незаконный иммигрант был изнасилован надзиравшим за ним сотрудником береговой охраны);
- заявителей, находившихся под контролем властей, лишали сна, подвергали «палестинскому подвешиванию» и наказанию «фалакой», обливали водой и избивали в течение нескольких дней в целях получения признания (*Bati and Others v. Turkey*, 2004, § 110 и §§ 122-124);
- заявитель, содержащийся под стражей и отказавшийся принимать пищу, подвергся принудительному кормлению, несмотря на отсутствие каких-либо медицинских предписаний (к заявителю были применены наручники, расширитель для рта, специальная резиновая трубка, которая вставлялась в пищевод, а также физическая сила в те моменты, когда заявитель оказывал сопротивление) (*Nevmerzhitsky v. Ukraine*, 2005, § 98);
- к заявителю были применены наручники; на голову заявителя был надет капюшон, из-за чего он был лишен возможности видеть; заявитель был принудительно раздет; заявителю, удерживаемому на полу, принудительно был введен суппозиторий в отсутствие каких-либо медицинских предписаний (указанные меры носили комбинированный и умышленный характер и были осуществлены в рамках операции по «чрезвычайной выдаче», направленной на получение сведений от заявителя, наказание или запугивание) (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 205);
- родственник заявителей скончался в результате жестокого избиения сотрудниками полиции (*Satybalova and Others v. Russia*, 2020, § 76; *Lutsenko and Verbytsky v. Ukraine*, 2021, §§ 79-80, в котором г-н Вербицкий скончался после того, как был избит частными лицами, не являвшимися представителями государства и нанятыми органами полиции во время протестной акции «Евромайдан»).

13. По мнению Суда, определенные виды поведения, такие как изнасилование представителем государства лица, лишённого свободы, должны рассматриваться как особо жестокая и отвратительная форма жестокого обращения с учетом той легкости, с которой преступник может воспользоваться уязвимым положением жертвы и ее ограниченной возможностью сопротивляться. Кроме того, изнасилование причиняет жертвам тяжелую психологическую травму, которая не проходит так же быстро, как последствия иных видов физического и психологического насилия. Жертва также испытывает острую физическую боль от насильственного нарушения ее телесной

неприкосновенности и чувствует, что она подверглась унижению и надругательству как в физическом, так и в эмоциональном отношении (*Maslova and Nalbandov v. Russia*, 2008, § 105¹).

14. Суд не исключил, что угроза пыткой может быть признана пыткой, так как по своей природе пытка охватывает как физические, так и нравственные страдания. В частности, при определенных обстоятельствах, страх перед физической пыткой может сам по себе являться психологической пыткой. Тем не менее, Суд подчеркнул, что правовая квалификация конкретной угрозы физической пыткой в качестве психологической пытки, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения зависит от всех обстоятельств конкретного дела, в том числе и в особенности, от серьезности оказываемого давления и от интенсивности причиняемых нравственных страданий (*Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 108).

15. В постановлении по делу *Tunikova and Others v. Russia*, 2021 г., заявители просили Суд признать пыткой жестокое обращение со стороны лиц, не являющихся представителями государства. Суд подчеркнул, что подобное дополнительное толкование имеет важное значение для заявителей и что оно могло бы повлиять на общественное восприятие домашнего насилия. Однако, с учетом обстоятельств дела и отсутствия сомнений в том, что обращение, которому подверглись заявители, достигло уровня жестокости, необходимого для действия статьи 3 Конвенции, Суд пришел к выводу, что в подобном толковании не было необходимости (§ 77).

2. Бесчеловечное обращение или наказание

16. Разграничение пытки, бесчеловечного обращения или наказания и унижающего достоинство обращения или наказания проистекает главным образом из различия в интенсивности причиняемых страданий (*Ireland v. the United Kingdom*, 1978, § 167). Суд рассматривает обращение или наказание как «бесчеловечные» в случаях если, в частности, такое обращение или наказание носили умышленный характер, применялись в течение нескольких часов подряд и причинили либо фактические телесные повреждения, либо сильные физические и нравственные страдания (*Labita v. Italy* [БП], 2000, § 120; *Kudła v. Poland* [БП], 2000, § 92).

17. Например, обращение или наказание были признаны «бесчеловечными» в следующих ситуациях:

- заявителю угрожали пытками во время нахождения под контролем полиции (*Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 91 и §§ 101-108; *Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom*, 2010, § 137 и § 144, в котором заявитель, находившийся под контролем властей иностранного государства, был выдан властям своего государства, в результате чего он испытывал нравственные страдания из-за опасения смертной казни; *Al Nashiri v. Romania*, 2018, § 675, в котором заявитель, подвергшийся ранее жестокому обращению, содержался под стражей в суровых условиях, в частности, он был полностью изолирован от внешнего мира и находился в состоянии ожидания пытки);
- дома и имущество заявителей были умышленно уничтожены правоохранительными органами, в результате чего заявители лишились средств к существованию и были вынуждены покинуть свою деревню (*Selçuk and Asker v. Turkey*, 1998, § 77; *Hasan İlhan v. Turkey*, 2004, § 108);
- заявитель в течение длительного времени страдал от неопределенности и тревоги, вызванных исчезновением его родственника (*Orhan v. Turkey*, 2002, § 360; *Musayev*

¹ Цитируется пункт 107 (Прим. пер.).

and Others v. Russia, 2007, § 169, в котором заявитель стал свидетелем внесудебной казни некоторых своих родственников и соседей, а также столкнулся с неадекватной и неэффективной реакцией властей на данные события);

- заявитель, имевший проблемы со здоровьем, во время прохождения военной службы по призыву был подвергнут чрезмерным физическим нагрузкам в качестве наказания (*Chember v. Russia*, 2008, § 57).
- заявитель, отбывавший пожизненное лишение свободы, в течение длительного времени содержался в ненадлежащих условиях и в режиме строгих ограничений (*Simeonovi v. Bulgaria* [БП], 2017, § 90).

3. Унижающее достоинство обращение или наказание

18. Обращение признается «унижающим достоинство», в частности, если оно умаляет человеческое достоинство жертвы, демонстрирует неуважение к ней или заставляет жертву испытывать страх, беспокойство и чувство неполноценности, способные сломить ее физическое или психологическое сопротивление. Для правовой квалификации обращения как унижающего достоинство может быть достаточно того, что жертва унижена в своих собственных глазах, а не по мнению других людей. Кроме того, само по себе отсутствие цели унижить жертву не может окончательно исключить вывод о нарушении статьи 3 Конвенции, хотя вопрос о том, было ли обращение направлено на оскорбление либо унижение жертвы, должен приниматься во внимание (*Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 89; *Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia* [БП], 2004, § 425; *M.S.S. v. Belgium and Greece* [БП], 2011, § 220).

19. Для того, чтобы наказание было признано «унижающим достоинство» и нарушающим статью 3 Конвенции, соответствующее унижение должно достичь определенного уровня. Оценка данного уровня является относительной и зависит от всех обстоятельств конкретного дела, в частности, от характера и контекста самого наказания, а также от способа и метода его исполнения (*Tyler v. the United Kingdom*, 1978, § 30). Наказание, являющееся или признаваемое эффективным средством в борьбе с преступностью, в то же время может носить унижительный характер. Недопустимо прибегать к наказаниям, которые нарушают статью 3 Конвенции, независимо от эффективности их сдерживающего воздействия (*Tyler v. the United Kingdom*, 1978, § 31).

20. Суд обращал внимание на наличие тесной связи между концепцией «унижающего достоинство» обращения или наказания в рамках статьи 3 Конвенции и концепцией уважения «достоинства» (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 90).

21. Например, обращение или наказание признавались «унижающими достоинство» в следующих случаях:

- заявительница с ограниченными возможностями здоровья в тяжелой форме содержалась в ненадлежащих условиях: в помещении камеры, где она находилась, была чрезмерно низкая температура; кровать в камере была чрезмерно жесткой и неудобной, в связи с чем заявительница подверглась риску развития пролежней; а также она была лишена возможности справлять естественные нужды и поддерживать собственную гигиену без посторонней помощи, что вызывало у нее серьезный психологический дискомфорт (*Price v. the United Kingdom*, 2001, § 30; *Vincent v. France*, 2006, §§ 101-103, в котором заявитель, страдавший параличом, был лишен возможности покинуть свою камеру, а также передвигаться по территории исправительного учреждения самостоятельно);
- администрация исправительного учреждения принудительно удалила волосы у заявителей без какого-либо обоснования, в том числе правового (*Yankov v. Bulgaria*, 2003, §§ 120-121; *Slyusarev v. Russia*, 2010, § 44, в котором у задержанного и

впоследствии заключенного под стражу на пять месяцев заявителя были изъяты очки без какого-либо обоснования);

- несовершеннолетний иностранный гражданин был вынужден без сопровождения взрослых жить в тяжелых условиях в трущобах в связи с тем, что власти не исполнили судебное постановление, касавшееся его размещения (*Khan v. France*, 2019, §§ 94-95);
- применение силы к заявителям при обыске в их доме не являлось строго необходимым (*Ilievi and Ganchevi v. Bulgaria*, 2021, §§ 56-57);
- к заявителю по решению суда было применено телесное наказание (*Tyrer v. the United Kingdom*, 1978, § 35);
- власти не смогли обеспечить условия, при которых двенадцатилетний ребенок, ставший свидетелем задержания и доставления в отдел полиции своих родителей, находился бы в это время под присмотром взрослых и был бы надлежащим образом проинформирован о сложившейся ситуации (*Ioan Pop and Others v. Romania*, 2016, § 65);
- в исправительном учреждении заявитель в течение длительного времени содержался в переполненном помещении, не соответствовавшем санитарно-эпидемиологическим требованиям (*Kalashnikov v. Russia*, 2002, § 102);
- заявитель был вынужден раздеться, после чего был подвергнут личному досмотру, произведенному ненадлежащим образом, в частности, с использованием унижительных высказываний и замечаний (*Iwańczuk v. Poland*, 2001, § 59; *Valašinas v. Lithuania*, 2001, § 117, в котором заявитель был вынужден раздеться в присутствии женщины-сотрудника исправительного учреждения, после чего сотрудники исправительного учреждения без перчаток осматривали его половые органы и еду, полученную им от посетителя);
- лицо, обратившееся с ходатайством о предоставлении убежища, в течение трех месяцев содержалось в полиции в ожидании административных мер без доступа к каким-либо развлекательным мероприятиям и без надлежащего питания (*Tabesh v. Greece*, 2009, §§ 38-44; *Z.A. and Others v. Russia* [БП], 2019, § 195, в котором заявители, чье ходатайство о предоставлении убежища находилось на рассмотрении властей, содержались в условиях, непригодных для длительного проживания, на территории транзитной зоны аэропорта; *N.H. and Others v. France*, 2020, § 184, в котором лица, обратившиеся с ходатайством о предоставлении убежища, вынуждены были в течение нескольких месяцев жить в тяжелых условиях отсутствия жилища и ресурсов для удовлетворения своих потребностей, в частности денежных средств, а также без доступа к медицинской помощи из-за задержек административного характера, препятствовавших получению помощи, предусмотренной законом);
- двадцать семь ЛГБТИ-активистов подверглись жестокому словесному оскорблению и неизбирательным физическим нападениям со стороны противников демонстрации, а обещанные полицией меры по защите участников демонстрации не были предприняты своевременно и надлежащим образом (*Women's Initiatives Supporting Group and Others v. Georgia*, 2021 § 60);
- заявительница, беременная на момент событий, рассмотренных в деле, в результате промедления медицинских работников не смогла получить доступ к генетическим исследованиям, в связи с чем она в течение шести недель находилась в состоянии мучительной неопределенности относительно здоровья ее плода; в момент, когда она в конечном итоге получила результаты анализов,

принимать осознанное решение о продолжении беременности либо о законодательно разрешенном аборте было уже слишком поздно (*R.R. v. Poland*, 2011, § 159).

Е. Взаимосвязь между статьями 2 и 8 Конвенции

22. В некоторых случаях на обращение, обжалуемое заявителем, может распространяться действие двух и более статей Конвенции. В подобных случаях, в зависимости от обстоятельств, Суд может рассмотреть отдельно каждое из нарушений, о которых сообщается в жалобе (например, *Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium*, 2006; *D.P. and J.C. v. the United Kingdom*, 2002), или все нарушения в совокупности (например, *M.C. v. Bulgaria*, 2003). Суд также может прийти к выводу об отсутствии необходимости рассматривать вопрос о нарушении статьи 8 Конвенции, если он обнаружит нарушение статьей 2 или 3 Конвенции (например, *Öneriyildiz v. Turkey* [БП], 2004; *Z and Others v. the United Kingdom* [БП], 2001).

23. Как правило, жалоба лица, подвергшегося нападению или жестокому обращению со стороны представителей государства, подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 3 Конвенции (*Makaratzis v. Greece* [БП], 2004, § 51; *İlhan v. Turkey* [БП], 2000 г., § 76). Тем не менее, в исключительных обстоятельствах и с учетом таких аспектов, как степень и вид применяемой силы, а также характер телесных повреждений, применение силы представителями государства, которое не повлекло смерти лица, может рассматриваться как нарушение статьи 2 Конвенции, если поведение представителей государства по сути подвергло жизнь заявителя серьезному риску. Суд может прийти к данному выводу и в том случае, если заявитель выжил (*Makaratzis v. Greece* [БП], 2004, § 55; *Soare and Others v. Romania*, 2011, §§ 108-109; *Trévalet v. Belgium*, 2011, §§ 55-61).

24. В делах, касавшихся нападений частных лиц на заявителей, когда существовала угроза жизни последних, Суд руководствовался теми же соображениями, что и в делах, касавшихся применения силы представителями государства (*Yotova v. Bulgaria*, 2012, § 69).

25. Кроме того, если рассматриваемое обращение не подпадает под действие статьи 3 Конвенции, оно, тем не менее, может нарушать статью 8 Конвенции, которая защищает, в том числе, физическую и психическую неприкосновенность, а также соответствующие аспекты права на уважение частной жизни (*Wainwright v. the United Kingdom*, 2006, § 43).

26. Например, Суд установил, что обращение, не достигшее минимального уровня жестокости в соответствии со статьей 3 Конвенции, нарушило статью 8 Конвенции в следующих случаях:

- военнослужащие подверглись проверкам и были уволены со службы из-за их сексуальной ориентации (*Smith and Grady v. the United Kingdom*, 1999, §§ 117-123);
- предприятие по переработке отходов рядом с домом заявителя создавало неудобства (*López Ostra v. Spain*, 1994, §§ 58-60);
- сотрудники исправительного учреждения не проявили достаточную учтивость при личном досмотре посетителей (без словесных оскорблений или физического воздействия) (*Wainwright v. the United Kingdom*, 2006, §§ 44-49);
- заявитель подвергся нападению стаи бродячих собак из-за неспособности властей принять адекватные меры против животных (*Georgel and Georgeta Stoicescu v. Romania*, 2011, § 45).

II. Запрещение пыток, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания со стороны либо при содействии представителей государства

Статья 3 Конвенции

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

A. Предварительные замечания

27. В соответствии с положениями Конвенции, Договаривающееся государство несет ответственность за нарушения прав человека, возникшие в результате действий его представителей при исполнении ими своих должностных обязанностей. Согласно позиции Суда, в тех ситуациях, когда поведение представителя государства не является правомерным, вопрос о том, могут ли обжалуемые деяния быть вменены в вину государству, требует рассмотрения характера такого поведения, а также оценки всей совокупности обстоятельств дела. Более того, решение по вопросу о том, является ли то или иное лицо представителем государства с точки зрения целей Конвенции, должно основываться на множестве факторов, ни один из которых сам по себе не является определяющим. При определении того, является ли лицо формально представителем государства и несет ли государство ответственность за его действия, Суд изучает следующие значимые обстоятельства: порядок назначения рассматриваемого лица на должность, надзор за исполнением им должностных обязанностей и его подотчетность, а также цели, полномочия и функции данного лица (*V.K. v. Russia*, 2017, § 174²).

28. Кроме того, в соответствии с положениями Конвенции Договаривающееся государство может нести ответственность за молчаливое согласие или попустительство его властей в отношении действий частных лиц, которые нарушают конвенционные права других лиц, находящихся в пределах его юрисдикции (*Chernega and Others v. Ukraine*, 2019, § 127).

B. Оценка доказательств

29. При рассмотрении предполагаемых нарушений статьи 3 Конвенции Суд должен проводить особенно тщательный анализ при оценке доказательств. В делах, в которых имело место разбирательство на национальном уровне, в задачу Суда не входит переоценка фактических обстоятельств, уже установленных национальными судами. Суд исходит из правила, что оценка доказательств является обязанностью национальных судов. Несмотря на то, что в делах, касающихся нарушений статьи 3 Конвенции, Суд готов более критично относиться к выводам национальных судов, для того, чтобы заставить Суд отклониться от выводов, сделанных данными судами, как правило, необходимы убедительные аргументы (*Cestaro v. Italy*, 2015, § 164, а также упомянутые в нем дела).

30. В случае, если есть несколько противоречащих друг другу версий произошедшего, Суд неизбежно сталкивается с теми же трудностями, что и любой суд первой инстанции.

² Цитируется пункт 175 (Прим. пер.).

Особенность его задачи, вытекающая из статьи 19 Конвенции (обеспечение соблюдения Договаривающимися государствами своих обязательств по защите основных прав, предусмотренных Конвенцией), определяет подход Суда к оценке доказательств и порядку доказывания (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 151).

1. Стандарт доказывания

31. Утверждения о жестоком обращении, нарушающем статью 3 Конвенции, должны быть обоснованы надлежащими доказательствами. При оценке таких доказательств Суд применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений», но отмечает, что подобное доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или на совокупности неопровержимых презумпций фактов (*Salman v. Turkey* [БП], 2000, § 100; *Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 82).

2. Бремя доказывания

32. Степень убедительности доказательств, необходимая для того, чтобы Суд пришел к какому-либо выводу, а также распределение бремени доказывания по своей сути связаны с особенностями фактических обстоятельств дела, характером рассматриваемого утверждения и затрагиваемым конвенционным правом (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 151).

33. В рамках разбирательства, касающегося соблюдения положений Конвенции, не во всех случаях возможно строгое следование принципу *affirmanti incumbit probatio* («доказывание возлагается на утверждающего») (*Blokhin v. Russia* [БП], 2016, § 140). В случае, если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительного ведения властей, как в ситуации с лицами, лишенными свободы и находящимися под контролем властей, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении телесных повреждений, полученных в период подобного лишения свободы. В этом случае бремя доказывания лежит на властях, которые должны предоставить достаточное и убедительное объяснение посредством предъявления доказательств, подтверждающих факты, которые способны поставить под сомнение версию событий, изложенную жертвой нарушения (*Salman v. Turkey* [БП], 2000, § 100). В отсутствие такого объяснения Суд вправе сделать выводы, которые могут быть неблагоприятными для властей (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 83).

34. Вышеупомянутый принцип применим ко всем ситуациям, когда лицо находится под контролем полиции или аналогичных органов власти (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 84).

C. Применение силы представителями государства

1. Общие положения

35. Как уже упоминалось ранее, в ситуации, когда лицо лишено свободы или, в более широком смысле, сталкивается с сотрудниками правоохранительных органов, любое применение силы, которое не является строго необходимым ввиду поведения данного лица, унижает его человеческое достоинство и в принципе представляет собой нарушение права, предусмотренного статьей 3 Конвенции. Суд также хотел бы отметить, что слова «в принципе» не могут быть истолкованы таким образом, будто возможны ситуации, при которых не возникает необходимости устанавливать наличие нарушения ввиду того, что требуемый уровень жестокости не был достигнут. Любое посягательство на человеческое достоинство противоречит самой сути Конвенции. По этой причине любое поведение сотрудников правоохранительных органов по отношению к лицу, которое унижает его человеческое достоинство, представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции. Данный

подход применим, в том числе, к использованию сотрудниками правоохранительных органов физической силы против лица в отсутствие на то строгой необходимости, вызванной поведением самого лица, и не зависит от последствий для данного лица (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, §§ 100-101).

36. При этом Суд обращает внимание, что статья 3 Конвенции не запрещает представителям государства применять силу в определенных обстоятельствах, например, при осуществлении задержания. Тем не менее, в подобных ситуациях применение силы должно быть обусловлено необходимостью и не должно носить чрезмерный характер (*Necdet Bulut v. Turkey*, 2007, § 23; *Shmorgunov and Others v. Ukraine*, 2021, § 359). В связи с этим важно учитывать, в частности, имеются ли основания полагать, что лицо окажет сопротивление при задержании, скроется, уничтожит доказательства, причинит телесные повреждения или какой-либо иной ущерб (*Mafalani v. Croatia*, 2015, § 120, а также упомянутые в нем дела).

37. Например, Суд признал несоизмеримыми действия сотрудников полиции, которые при установлении личности заявителя использовали дубинки, чтобы сдерживать его. Суд обратил внимание, что заявитель не был вооружен и практически не оказывал сопротивления до того момента, как его не сбили с ног и не прижали к земле, пусть даже он и укусил одного из сотрудников полиции (*Dembele v. Switzerland*, 2013, § 47; также *A.P. v. Slovakia*, 2020, § 62, в котором заявитель плюнул в сотрудников полиции и попытался ударить их).

38. В то же время, Суд признал, что применение силы являлось необходимым ввиду поведения заявителей, в ситуации, когда заявители, являвшиеся бодибилдерами, во время задержания оказали сопротивление сотрудникам полиции и напали на них (*Berliński v. Poland*, 2002, § 62; также *Barta v. Hungary*, 2007, § 72, в котором заявительница получила телесные повреждения, поскольку препятствовала осуществлению сотрудником полиции своих обязанностей; *P.M. and F.F. v. France*, 2021, § 88, в котором заявители, находившиеся в состоянии алкогольного опьянения, получили телесные повреждения во время задержания по обвинению в повреждении чужого имущества).

39. Кроме того, Суд ранее обращал внимание на специальные оперативные меры, предназначенные для достижения таких законных целей, как задержание лица, обыск, выемка и в целом осуществление уголовного преследования в интересах общества. Суд отмечал, что при планировании и проведении подобных оперативных мероприятий необходимо учитывать возможное присутствие при задержании членов семьи лица, в частности детей, которые являются особенно уязвимыми в психологическом плане в силу своего юного возраста (*Gutsanovi v. Bulgaria*, 2013, § 132). В деле *Gutsanovi v. Bulgaria*, 2013 г., Суд установил, что проведение полицейской операции ранним утром и участие в ней специальных агентов в масках способствовали усилению чувства страха и тревоги у детей, присутствовавших при задержании их отца. Подобное обращение превысило минимальный порог жестокости (§ 134; также *A v. Russia*, 2019, § 67, в котором девятилетний ребенок стал свидетелем задержания своего отца с применением насилия, хотя тот не оказывал сопротивления; а также, для сравнения, *Ilievi and Ganchevi v. Bulgaria*, 2021, § 60, в котором все члены семьи, ставшие свидетелями задержания их родственников в их доме, являлись взрослыми людьми).

40. О применении силы в контексте содержания лица под стражей см. *Руководство по прецедентному праву в отношении прав заключенных*, а в контексте публичных собраний и демонстраций см. *Руководство по прецедентному праву в отношении массовых протестов*.

2. Применение специальных средств и средств сковывания движения

41. Применение специальных средств, таких как наручники, обычно не требует рассмотрения вопроса о нарушении статьи 3 Конвенции, если подобная мера была применена в контексте правомерного задержания или лишения свободы, и если за ней не следуют применение силы или публичная огласка, превышающие разумные пределы и выходящие за рамки необходимости, соответствующей обстоятельствам дела (*Shlykov and Others v. Russia*, 2021, § 72). Суд обращает особое внимание на обстоятельства каждого дела и рассматривает вопрос о том, являлось ли применение специальных средств и средств сковывания движения необходимым (*Pranjić-M-Lukić v. Bosnia and Herzegovina*, 2020, § 72). В связи с этим важно учитывать, в частности, имеются ли основания полагать, что лицо окажет сопротивление при задержании, попытается скрыться, уничтожит доказательства или причинит вред другим лицам или имуществу (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia* [БП], 2014, § 117, а также упомянутые в нем дела).

42. В частности, по мнению Суда, использование наручников может быть оправдано в конкретных случаях, например, при транспортировке лица за пределами исправительного учреждения; в течение коротких периодов времени; или в ситуациях, когда данная мера применяется к заявителю или заявительнице индивидуально в связи с рисками, вытекающими из его или ее поведения, при этом вопрос о применении данной меры периодически пересматривается (*Shlykov and Others v. Russia*, 2021, § 73). При оценке уровня жестокости в данном контексте Суд учитывает множество факторов, среди которых: тяжесть преступления, в совершении которого лицо было признано виновным; наличие у лица судимостей, а также случаи применения им насилия; соответствие меры национальному законодательству; соразмерность меры поведению лица; законность задержания лица и лишения его свободы; публичный характер обращения; последствия для здоровья; состояние здоровья лица; применение иных мер для обеспечения безопасности; а также период времени, в течение которого применялись наручники (*Shlykov and Others v. Russia*, 2021, § 73, а также упомянутые в нем дела).

43. В вопросе о применении правоохранительными органами «перцовых аэрозолей» Суд поддерживает рекомендации Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее также — «ЕКПП»). По мнению ЕКПП, «перцовый газ» представляет собой потенциально опасное вещество, в связи с чем он не должен использоваться в замкнутом пространстве: если, в исключительных случаях, его необходимо применить в открытом пространстве, то при этом должны быть четко соблюдены меры предосторожности (*Tali v. Estonia*, 2014, § 78). В частности, его никогда не следует применять против лица, которое уже взято под контроль (*Izci v. Turkey*, 2013, §§ 40-41; https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-110262_Ali_Güneş_v._Turkey, 2012, §§ 39-40).

44. Суд также обратил внимание на оговорки ЕКПП, касавшиеся применения электрошоковых устройств, в частности, предполагающих контакт с лицом, поскольку такие устройства причиняют сильную боль и влекут временную потерю трудоспособности. Суд подчеркнул, что сотрудники правоохранительных органов, прошедшие должное обучение и подготовку, располагают множеством иных способов установления контроля над лицом, которое находится в непосредственной близости от них и которое должно быть взято под их контроль (*Anzhelo Georgiev and Others v. Bulgaria*, 2014 §§ 75-76).

45. В контексте вопроса о содержании лица в металлической клетке во время судебного разбирательства Суд установил, что подобная мера, с учетом ее объективно унижающего характера, несовместима со стандартами цивилизованного поведения в демократическом обществе, сама по себе унижает человеческое достоинство и

представляет собой нарушение статьи 3 Конвенции (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia* [БП], 2014, § 138; *Karachentsev v. Russia*, 2018, § 53, где заявитель принимал участие в судебном заседании по его делу с помощью видеоконференц-связи, находясь при этом в металлической клетке, расположенной внутри исправительного учреждения). В то же время, в ситуациях, когда подсудимые содержатся за стеклянными перегородками или в стеклянных кабинах, аспект унижительности сам по себе не достигает необходимого уровня жестокости обращения. Тем не менее, данный уровень жестокости может быть достигнут, если обстоятельства содержания лица за стеклянной перегородкой или в стеклянной кабине в целом причинили ему страдания или создали неудобства, превышающие неизбежный уровень страданий, которые сопутствуют содержанию под стражей (*Yaroslav Belousov v. Russia*, 2016, § 125).

46. О применении данных и иных мер в контексте содержания под стражей см. *Руководство по прецедентному праву в отношении прав заключенных*.

D. Раздевание и личный досмотр

47. Личный досмотр, в том числе, подразумевающий раздевание, который производится в ходе задержания, совместим со статьей 3 Конвенции при условии, что он проводится надлежащим образом, с должным уважением к человеческому достоинству лица, а также в целях, предусмотренных законом (*Wieser v. Austria*, 2007, § 39; *Roth v. Germany*, 2020, § 65 в контексте содержания под стражей; а также см. *Руководство по прецедентному праву в отношении прав заключенных*).

E. Военная служба

48. Обязательная военная служба часто сопряжена со страданиями и унижением, равно как и меры по лишению человека свободы. В то же время многие действия, совершение которых в отношении заключенных представляет собой унижающее достоинство или бесчеловечное обращение, могут не достигать требуемого порога жестокости в контексте прохождения службы в вооруженных силах при условии, что данные действия способствуют выполнению конкретной задачи, например, являются частью боевой подготовки (*Chember v. Russia*, 2008, § 49).

49. В то же время, на государстве лежит обязанность обеспечить условия несения военной службы, совместимые с уважением человеческого достоинства. Порядок и методы подготовки военнослужащих не должны причинять боль и страдания сверх неизбежного уровня страданий, сопутствующих военной дисциплине. Здоровье и благополучие военнослужащих должны обеспечиваться надлежащим образом с учетом практических требований такой службы, в частности, посредством предоставления необходимой медицинской помощи (*Chember v. Russia*, 2008, § 50).

50. Согласно позиции Суда, физические упражнения, которые требуют напряжения сил и являются неотъемлемой частью военной подготовки, должны быть совместимы с требованиями статьи 3 Конвенции, в частности, они не должны превышать предел, после которого происходит оскорбление человеческого достоинства военнослужащего или возникает угроза его здоровью и благополучию (*Chember v. Russia*, 2008, § 51³).

51. Например, Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в отношении мужчины, испытывавшего проблемы с коленями, которому было приказано выполнить 350 приседаний в качестве наказания за недостаточно тщательную уборку казарм (*Chember v. Russia*, 2008, §§ 52-57). Также было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в деле *Taştan v. Turkey*, 2008 г., в котором на военную службу был призван мужчина в возрасте 71 года. Он был вынужден участвовать в подготовке, предназначенной для военнослужащих

³ Цитируется пункт 52 (Прим. пер.).

значительно моложе него (§ 31). Кроме того, Суд пришел к выводу о наличии нарушения статьи 3 Конвенции в деле *Lyalyakin v. Russia*, 2015 г., в котором военнослужащий, пытавшийся самовольно оставить место службы, был вынужден стоять перед батальоном в одних армейских трусах (§§ 72-79).

F. Условия содержания под стражей

52. Действие статьи 3 Конвенции распространяется на условия содержания лица под стражей в том случае, если связанные с ними страдания и унижение превышают уровень тех страданий и унижения, которые неизбежно сопутствуют самому факту лишения свободы. В то же время, государство обязано обеспечить условия содержания под стражей, совместимые с уважением человеческого достоинства. Порядок и методы исполнения приговора, а также мер пресечения, связанные с лишением лица свободы, не должны причинять боль и страдания сверх неизбежного уровня страданий, сопутствующих самому факту лишения свободы. Здоровье и благополучие лиц, лишенных свободы, должны обеспечиваться надлежащим образом с учетом практических требований подобных мер (*Neshkov and Others v. Bulgaria*, 2015, § 227⁴; *Muršić v. Croatia* [БП], 2016, § 99).

53. При оценке условий содержания под стражей и лишения свободы необходимо учитывать совокупные последствия данных условий, а также конкретные утверждения заявителя. Также необходимо учитывать продолжительность периода, в течение которого лицо, лишенное свободы, содержится в рассматриваемых условиях (*Ananyev and Others v. Russia*, 2012, § 142; *Idalov v. Russia* [БП], 2012, § 94; *Muršić v. Croatia* [БП], 2016, § 101).

54. Более подробные сведения можно найти в *Руководстве по прецедентному праву в отношении прав заключенных*.

G. Медицинское обслуживание в местах лишения свободы

55. Статья 3 Конвенции налагает на государство обязательство защищать физическое благополучие лиц, лишенных свободы, в частности, предоставлять им необходимую медицинскую помощь (*Blokhin v. Russia* [БП], 2016, § 136; *Mozer v. Moldova and Russia* [БП], § 178).

56. Суд обращает внимание, что из самого факта осмотра лица, лишенного свободы, врачом, а также факта назначения такому лицу определенной формы лечения не следует, что медицинская помощь была оказана надлежащим образом. Власти обязаны обеспечить ведение подробных медицинских записей о состоянии здоровья и о лечении лица в период, когда он был лишен свободы. Диагностика и медицинская помощь должны проводиться своевременно и надлежащим образом. При необходимости, обусловленной характером заболевания, лицо должно находиться под регулярным и систематическим наблюдением, которое должно предусматривать всестороннюю стратегию лечения, направленную на выздоровление такого лица или на предотвращение ухудшения его здоровья, а не просто на лечение симптомов заболевания. Кроме того, на властях лежит обязанность продемонстрировать, что все необходимые условия для следования назначенному лечению были созданы. Суд обращал внимание, что лечение, предоставляемое в исправительных учреждениях, должно быть сопоставимо по качеству с медицинским обслуживанием, предоставляемым государством всем своим гражданам. В то же время данный подход не означает, что каждому осужденному должно быть гарантировано медицинское обслуживание, соответствующее уровню лучших медицинских учреждений за пределами исправительных учреждений. Если лечение не

⁴ Цитируется пункт 228 (Прим. пер.).

может быть предоставлено в месте содержания под стражей, следует предусмотреть возможность перевода лиц, лишенных свободы, в больницы или в специализированные отделения (*Roman v. Belgium* [БП], 2019, §§ 147-148).

57. Более подробные сведения можно найти в [Руководстве по прецедентному праву в отношении прав заключенных](#).

Н. Страдания родственников жертвы

1. Предварительные замечания

58. В практике Суда всегда уделялось достаточное внимание серьезности психологического воздействия грубых нарушений прав человека на родственников жертвы, впоследствии обращающихся с жалобами в Суд. Тем не менее, для установления отдельного нарушения статьи 3 Конвенции в отношении родственников жертвы в деле должны присутствовать особые факторы, способные отграничить нравственные страдания родственников жертвы по их масштабу и характеру от нравственных страданий, неизбежно сопутствующих вышеупомянутому нарушению (*Janowiec and Others v. Russia* [БП], 2013, § 177). В данной сфере преимущественное развитие практики Суда связано с делами родственников исчезнувших лиц. В то же время, Суд в исключительных случаях применял принципы, изложенные в упомянутых делах об исчезновениях, и вне контекста исчезновения (*Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania* [БП], 2019, § 227⁵).

2. Родственники исчезнувших лиц

59. Феномену исчезновений сопутствует особое бремя, которое несут родственники пропавших без вести лиц, поскольку они пребывают в неведении относительно судьбы их близких, в связи с чем страдают от беспокойства и неопределенности. Таким образом, в практике Суда давно сформировался подход, согласно которому положение родственников исчезнувших лиц может быть признано бесчеловечным и унижающим достоинство обращением, нарушающим статью 3 Конвенции. В данном случае суть нарушения заключается не в серьезном нарушении прав человека пропавшего без вести лица, а в реакции и отношении властей к ситуации, доведенной до их сведения (*Varnava and Others v. Turkey* [БП], 2009, § 200).

60. К иным значимым факторам также можно отнести: близость семейных уз; индивидуальные особенности отношений с пропавшим без вести лицом; мера, в которой член семьи стал свидетелем соответствующих событий; а также его участие в попытках собрать сведения об исчезнувшем лице. Вывод о наличии данного нарушения возможен не только по делам, в которых государство-ответчик несет ответственность за исчезновение лица. Ситуации, когда власти не реагируют на запрос родственников о предоставлении сведений о лице, или когда родственникам создаются препятствия в ходе сбора сведений о лице, в связи с чем они начинают нести основное бремя по установлению фактических обстоятельств произошедшего, свидетельствуют о явном, длящемся и жестоком пренебрежении обязанностью отчитываться за местонахождение и судьбу пропавшего без вести лица (*Varnava and Others v. Turkey* [БП], 2009, § 200; *Janowiec and Others v. Russia* [БП], § 178).

61. Например, в деле *Orhan v. Turkey*, 2002 г., заявитель жаловался, что исчезновение его старшего сына и двух братьев причинило ему страдания в нарушение статьи 3 Конвенции. Суд обратил внимание, что заявитель видел, как его сын и братья покидали деревню в сопровождении солдат, и что они пропали без вести восемь лет назад. Суд

⁵ Цитируются пункты 227-229 (Прим. пер.).

также отметил, что заявитель, направлявший многочисленные запросы и ходатайства, не получал никаких сведений или объяснений со стороны властей и не был проинформирован о результатах проводившегося расследования. Суд подчеркнул, что заявитель в недавнем времени потерял свой дом и был вынужден покинуть свою деревню. С учетом данных обстоятельств Суд пришел к выводу, что неопределенность и опасения, которые заявитель испытывал в течение продолжительного периода, причинили ему боль и серьезные нравственные страдания, и что, в связи с этим, заявитель подвергся бесчеловечному обращению, нарушающему статью 3 Конвенции (§§ 359-360; также *Imakayeva v. Russia*, 2006, § 165, в котором Суд признал, что власти необоснованно отказали заявительнице в доступе к материалам расследования, которые могли бы прояснить судьбу ее исчезнувших родственников, как при непосредственном обращении, так и в рамках рассмотрения ее жалобы в Суде; *Enzile Özdemir v. Turkey*, 2008, §§ 64-65, в котором Суд рассматривал ситуацию, когда власти продемонстрировали официальный штамп, подтверждающий местонахождение и факт содержания под стражей супруга заявительницы, однако впоследствии без каких-либо объяснений объявили, что они не имеют отношения к появлению данного штампа).

62. В то же время, Суд не усмотрел нарушения статьи 3 Конвенции в отношении заявительницы, чей супруг пропал без вести при обстоятельствах, угрожавших его жизни, поскольку она не являлась свидетельницей предполагаемых событий, которые привели к его исчезновению, и не продемонстрировала свое участие в продолжавшемся расследовании данного инцидента (*Nesibe Haran v. Turkey*, 2005, §§ 83-84; см. также *Kagirov v. Russia*, 2015, § 113⁶, в котором Суд пришел к выводу, что небрежное поведение следственных органов все же не достигло уровня жестокости, необходимого для действия статьи 3 Конвенции).

3. Подтвержденные случаи смерти

63. Суд применяет более строгий подход в ситуациях, когда лицо, попавшее под контроль властей, обнаруживают мертвым спустя некоторое время, в течение которого о его судьбе ничего не было известно. В некоторых делах, касавшихся Чеченской Республики, Суд счел, что необходимость отдельно устанавливать нарушение статьи 3 отсутствует, когда уже установлено нарушение статьи 2 Конвенции в материальном и процессуальном аспектах. В данных делах заявители не являлись непосредственными свидетелями убийства своих родственников и узнавали об их смерти только после обнаружения тел. Кроме того, в делах, касающихся лиц, убитых непосредственно властями в нарушение статьи 2 Конвенции, Суд пришел к выводу, что действие статьи 3 Конвенции обычно не распространяется на их родственников из-за мгновенного характера событий, ставших причиной смерти. Суд устанавливал отдельное нарушение статьи 3 Конвенции только в случаях, когда смерть лица была подтверждена и когда заявители являлись непосредственными свидетелями страданий членов их семей (*Janowiec and Others v. Russia* [БП], 2013, §§ 179-181, а также упомянутые в нем дела).

4. Обращение с телами погибших лиц

64. Суд постановил, что качества, свойственные человеческому существу, исчезают после смерти лица, в связи с чем запрет на жестокое обращение не применим к трупам (*Akpinar and Altun v. Turkey*, 2007, § 82). Тем не менее, обращение с трупами затрагивало вопрос о нарушении статьи 3 в отношении родственников умершего лица (§§ 84-87).

65. В деле *Khadzhialiyev and Others v. Russia*, 2008 г., Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в ситуации, когда заявители не смогли похоронить расчлененные и обезглавленные тела своих детей надлежащим образом, поскольку были обнаружены

⁶ Цитируется пункт 119 (Прим. пер.).

лишь частичные их останки (§ 121). В деле *Akkum v. Turkey*, 2005 г., было установлено нарушение статьи 3 Конвенции в отношении отца, которому было представлено изуродованное тело его сына (§ 259). В деле *Elberte v. Latvia*, 2015 г., Суд установил нарушение статьи 3 Конвенции в связи с изъятием тканей у умершего супруга заявительницы без ее ведома и предварительного согласия, а также вопреки национальному законодательству (§ 143).

66. Суд не установил нарушений в деле *Cangöz and Others v. Turkey*, 2016 г., в котором тела родственников заявителей, убитых солдатами, были доставлены на военную базу. На базе тела были размещены на открытом пространстве в таком месте, где их могли видеть сотрудники военной базы. С них была снята одежда, после чего их осмотрели прокурор и два врача. По мнению Суда, знание того, в каких условиях были осмотрены тела их родственников, причинило заявителями нравственные страдания независимо от того, видели ли они тела лично. В то же время, Суд обратил внимание на цель обращения (осмотр тел) и пришел к выводу, что в рассматриваемых обстоятельствах страдания заявителей не отличались по своему масштабу и характеру от нравственных страданий, которые неизбежно испытывает любой член семьи умершего человека в сопоставимой ситуации (*Cangöz and Others v. Turkey*, 2016, §§ 157-168).

5. Иное

67. Дело *Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium*, 2006 г., касалось задержания и высылки несовершеннолетнего лица, обратившегося к властям с ходатайством о предоставлении убежища. На территории государства-ответчика данное лицо находилось без сопровождения взрослых. Суд, принимая во внимание поведение национальных властей, установил, что первая заявительница (мать задержанного пятилетнего ребенка) испытала сильную тревогу и беспокойство из-за того, что ее дочь была задержана. С учетом обстоятельств дела Суд пришел к выводу, что уровень жестокости, необходимый для действия статьи 3 Конвенции, был достигнут (§§ 55-59). В то же время, в ситуации, когда восьмилетний ребенок провел день в отделе полиции, пока шло расследование в отношении его матери, и при этом о нем не сообщили органам опеки, Суд установил, что беспокойство матери данного ребенка не достигло необходимого минимального порога жестокости (*Tarak and Depe v. Turkey*, 2019, § 79).

68. В деле, где сын заявительницы скончался в исправительном учреждении от ВИЧ-инфекции в связи с тем, что ему ненадлежащим образом была оказана медицинская помощь, Суд, обратив внимание на некоторые факторы, в том числе многочисленные попытки заявительницы привлечь внимание к ситуации с ее сыном, а также циничное, равнодушное и жестокое отношение властей к ее ходатайствам как до смерти ее сына, так и в ходе дальнейшего расследования инцидента, установил, что заявительница подверглась бесчеловечному обращению (*Salakhov and Islyamova v. Ukraine*, 2013, § 204).

69. В деле, касавшемся расследования утверждений о сексуальном насилии, Суд счел, что заявитель (отец предполагаемой жертвы) не смог доказать, что власти продемонстрировали ненадлежащую реакцию на ситуацию или ненадлежащее отношение к нему, в связи с чем его жалоба в данной части была отклонена (*M.P. and Others v. Bulgaria*, 2011, §§ 123-125).

I. Осуждение и вынесение приговора

1. Возраст, с которого наступает уголовная ответственность

70. В делах *V. v. the United Kingdom*, 1999 г., и *T. v. The United Kingdom*, 1999 г., Суд рассмотрел вопрос о том, может ли привлечение заявителей к уголовной ответственности

за деяния, совершенные в возрасте десяти лет, повлечь нарушение статьи 3 Конвенции. Суд пришел к выводу, что в рассматриваемый период времени среди государств-членов Совета Европы не существовало какого-либо единого четкого стандарта в отношении минимального возраста, с которого наступает уголовная ответственности. Даже с учетом того, что Англия и Уэльс входили в число тех немногих европейских юрисдикций, которые сохранили низкий возрастной порог наступления уголовной ответственности, нельзя утверждать, что десятилетний возраст существенно отличается от возрастного порога, установленного иными европейскими государствами. Таким образом, Суд пришел к выводу, что привлечение к уголовной ответственности заявителей само по себе не привело к нарушению статьи 3 Конвенции (*V. v. the United Kingdom*, [БП], 1999, §§ 72-74; *T. v. The United Kingdom*, [БП], 1999, §§ 70-72).

2. Крайне несопоставимые меры наказания

71. Суд признает, что вопросы назначения надлежащего наказания в значительной степени выходят за рамки Конвенции. В то же время, крайне несопоставимое наказание в момент назначения может быть равносильно жестокому обращению, нарушающему статью 3 Конвенции. Суд подчеркнул, что «крайняя несопоставимость» является строгим критерием, и его выполнение возможно лишь в редких и уникальных случаях (*Babar Ahmad and Others v. the United Kingdom*, 2012, § 237; *Harkins and Edwards v. the United Kingdom*, 2012, § 133).

72. Например, в деле, касавшемся выдачи заявителя в США, Суд не согласился с тем, что такая выдача приведет к реальной угрозе обращения, противоречащего статье 3 Конвенции, поскольку имелись доказательства того, что заявитель может быть приговорен к лишению свободы на срок до тридцати пяти лет при отсутствии минимального порога наказания. Принимая во внимание характер обвинений, касавшихся, в том числе, террористических актов, а также высокие требования к доказыванию несопоставимости возможного наказания, Суд не согласился с тем, что в результате выдачи заявителя и назначения ему продолжительного наказания может возникнуть реальная угроза обращения, противоречащего статье 3 Конвенции (*Aswat v. UK*, 2013, § 58).

73. Суд рассматривал дело, в котором заявители жаловались, что, в соответствии с соглашением о передаче заключенных, на территории Соединенного Королевства продолжается исполнение приговоров, вынесенных судами Таиланда, согласно которым им было назначено наказание в виде длительного лишения свободы. По мнению Суда, при рассмотрении вопроса о том, нарушает ли статью 3 Конвенции продолжение исполнения приговора в соответствии с соглашением о передаче заключенных, основное внимание необходимо уделить тому, выходят ли страдания и унижение, связанные с данными событиями, за рамки тех страданий и унижения, которые неизбежно сопутствуют исполнению приговора иностранного суда о лишении лица свободы. При оценке степени страданий и унижения следует учитывать различную практику государств по вынесению приговоров, а также правомерные и разумные различия в подходах к определению надлежащей продолжительности наказания. Кроме того, передача заключенных была произведена в рамках международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства, что в принципе отвечает интересам всех причастных лиц. Таким образом, в ситуации, когда какие-либо действия в рамках международного сотрудничества направлены на обеспечение и защиту основных прав лиц, привлеченных к уголовной ответственности за рубежом, выгода заявителя от осуществления данных действий является важным фактором, свидетельствующим в пользу вывода о том, что способ и метод исполнения приговора не причиняют заявителю страдания или неудобства сверх неизбежного уровня страданий, сопутствующих лишению свободы (*Willcox and Hurford v. the United Kingdom* (реш.), 2013, § 76).

3. Смертная казнь

74. В деле *Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom*, 2010 г., Суд отметил, что все государства-участники, за исключением двух, подписали Протокол № 13 относительно отмены смертной казни в любых обстоятельствах и что все государства-подписанты, за исключением трех, ратифицировали данный Протокол. Данные показатели, а также последовательная практика государств по соблюдению моратория на применение смертной казни, по мнению Суда, убедительно свидетельствуют об изменении содержания статьи 2 Конвенции в сторону запрещения смертной казни при любых обстоятельствах. При этом Суд не считал, как это было сделано им ранее в постановлении по делу *Soering v. the United Kingdom*, 1989, §§ 102-104, что формулировка второго предложения Статьи 2 § 1 Конвенции по-прежнему препятствует толкованию слов «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение или наказание» в Статье 3 Конвенции как подразумевающих, в том числе, смертную казнь (*Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom*, 2010, § 120). Таким образом, смертная казнь является неприемлемой формой наказания, которая отныне считается недопустимой в соответствии со статьей 2 Конвенции и поправками, внесенными Протоколами № 6 и № 13, и которая равносильна «бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию» в соответствии со статьей 3 Конвенции (*A.L. (X.W.) v. Russia*, 2015, § 64).

75. Статья 3 Конвенции запрещает выдачу, высылку или иную передачу физического лица в другое государство, если имеются существенные основания полагать, что там данное лицо подвергнется реальной угрозе применения смертной казни (*Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom*, 2010, § 123 и §§ 140-143; *A.L. (X.W.) v. Russia*, 2015, §§ 63-66; *Shamayev and Others v. Georgia and Russia*, 2005, § 333).

76. Более подробные сведения можно найти в *Руководстве по прецедентному праву относительно миграции*.

4. Пожизненное лишение свободы

77. Конвенция не запрещает приговаривать к пожизненному заключению лиц, осужденных за совершение особо тяжких преступлений, например, убийства. В тоже время, для соответствия требованиям статьи 3 Конвенции наказание должно быть смягчаемым де-юре и де-факто. Это означает, что должны существовать возможности для пересмотра меры наказания и освобождения осужденного. В основе пересмотра должен лежать, в том числе, анализ наличия правомерных пенилогических оснований для того, чтобы продолжать лишать лицо свободы. Данные основания включают в себя наказание, сдерживание, защиту общественных интересов и реабилитацию. Соотношение между указанными основаниями лишения свободы может меняться по мере исполнения наказания. Из этого следует, что основание для лишения свободы после длительного периода отбывания наказания может отличаться от изначального. Суд подчеркивает особую важность основания реабилитации, подразумевающего возвращение осужденного лица в общество, поскольку именно на этом в настоящее время сосредоточена европейская пенитенциарная политика, что отражается в практике Договаривающихся государств, в соответствующих стандартах, принятых Советом Европы, а также в соответствующих докладах международных организаций (*Murray v. the Netherlands* [БП], 2016, § 102⁷; *Hutchinson v. the United Kingdom* [БП], 2017, § 42).

78. Нельзя говорить о том, что наказание в виде пожизненного лишения свободы не может быть смягчено ввиду того факта, что на практике его можно отбыть в полном объеме (*Murray v. the Netherlands* [БП], 2016 § 99, с дальнейшими ссылками). Однако принцип уважения человеческого достоинства требует, чтобы администрация

⁷ Цитируются пункты 101-102 (Прим. пер.).

исправительного учреждения стремилась к реабилитации заключенного, приговоренного к пожизненному лишению свободы (*Murray v. the Netherlands* [БП], 2016, § 104). Следовательно, в ходе необходимого пересмотра должен учитываться прогресс заключенного в плане реабилитации и должна оцениваться значительность данного прогресса, в связи с чем дальнейшее лишение свободы может утратить правомерные пенилогические основания. Пересмотр, ограниченный соображениями сострадания, не является достаточным (*Hutchinson v. the United Kingdom* [БП], 2017, § 43).

79. Критерии и условия пересмотра, содержащиеся во внутреннем законодательстве, должны быть ясными и определенными, а также должны отражать соответствующую практику Суда. Подразумевается, что лица, приговоренные к пожизненному лишению свободы, имеют право с самого начала знать, какие действия с их стороны необходимы для освобождения и каковы будут условия освобождения. Речь идет, в том числе, и о ситуациях, когда пересмотр уже ожидается или может быть потребован осужденным (*Vinter and Others* [БП], 2013, § 122). В связи с этим Суд обращает внимание на соответствующие сравнительные материалы и документы международных организаций, поддерживающие подход, согласно которому пересмотр должен производиться не позднее, чем через двадцать пять лет после назначения наказания, после чего он должен производиться в дальнейшем на регулярной основе (*там же*, § 68, § 118, § 119 и § 120). В то же время, Суд указал, что данный вопрос относится к сфере усмотрения Договаривающихся государств относительно аспектов уголовного правосудия и назначения наказания (*там же*, § 104, § 105 и § 120).

80. Применительно к характеру пересмотра Суд подчеркивает, что в его задачу не входит указание на то, должен ли пересмотр касаться судебного решения или порядка исполнения наказания, с учетом свободы усмотрения, которая должна быть предоставлена Договаривающимся государствам (*Vinter and Others* [БП], 2013, § 120). В связи с этим каждое государство должно самостоятельно определить, должен ли пересмотр затрагивать судебное решение или исполнение наказания (*Hutchinson v. the United Kingdom* [БП], 2017, § 44⁸).

81. Более подробные сведения можно найти в [Руководстве по прецедентному праву в отношении прав заключенных](#).

J. Выдача и выдворение

82. Суд обращает внимание, что, в соответствии с устоявшимся международным правом, а также существующими договорными обязательствами, в том числе, вытекающими из Конвенции, Договаривающиеся государства имеют право контролировать въезд, проживание и выдворение иностранных граждан. Право на политическое убежище не предусмотрено ни Конвенцией, ни Протоколами к ней. Тем не менее, высылка, выдача или любая иная мера по принудительному перемещению иностранного гражданина за пределы территории государства может поднять вопрос о соблюдении положений статьи 3 Конвенции и тем самым затрагивать ответственность Договаривающегося Государства в соответствии с Конвенцией, если будет доказано наличие существенных оснований полагать, что в случае такого перемещения в принимающем государстве лицо подвергнется реальной угрозе обращения, нарушающего статью 3 Конвенции. В подобных ситуациях статья 3 Конвенции подразумевает обязательство не перемещать лицо на территорию такого государства (*Ilias and Ahmed v. Hungary* [БП], 2019, §§ 125-126).

83. Более подробные сведения можно найти в [Руководстве по прецедентному праву относительно миграции](#).

⁸ Цитируется пункт 45 (Прим. пер.).

К. Принудительное медицинское вмешательство

а. Общие принципы

84. Мера, обусловленная терапевтической необходимостью с точки зрения общепринятых принципов медицины, в принципе не может рассматриваться в качестве бесчеловечного или унижающего достоинство обращения. В то же время, Суд должен установить, что необходимость медицинского вмешательства была убедительно доказана и что процессуальные гарантии, касающиеся решения о вмешательстве, существуют и соблюдаются (*Jalloh v. Germany* [БП], 2006, § 69).

б. Принудительное кормление

85. Принудительное кормление в целях спасения жизни осужденного, который умышленно отказывается принимать пищу, в принципе не может рассматриваться как бесчеловечное и унижающее достоинство обращение. Тем не менее, Суд должен убедиться в том, что наличие соответствующих медицинских показаний было убедительно доказано и что процессуальные гарантии, касающиеся решения о принудительном кормлении, были соблюдены (*Ciorap v. Moldova*, 2007, § 77). Кроме того, действия по принудительному кормлению заявителя во время голодовки не должны превышать порог минимального уровня жестокости, сформировавшийся в практике Суда по статье 3 Конвенции (*Nevmerzhitsky v. Ukraine*, 2005, § 94).

86. В деле *Herczegfalvy v. Austria*, 1992 г., которое касалось, в частности, принудительного кормления пациента психиатрической больницы, отказавшегося принимать пищу, Суд признал обращение обоснованным в силу медицинских показаний и, следовательно, соответствующим статье 3 Конвенции (§§ 79-84).

87. Для сравнения, Суд устанавливал, что принудительное кормление осужденного, объявившего голодовку в знак протеста против условий содержания в исправительном учреждении, было вызвано не соответствующими медицинскими показаниями, а, как представляется, целью заставить данного осужденного прекратить протест. Кормление осуществлялось образом, подвергшим осужденного неоправданно сильной физической боли и унижению, которые были признаны достигшими уровня пытки (*Ciorap v. Moldova*, 2007, § 89; *Nevmerzhitsky v. Ukraine*, 2005, § 98).

с. Принудительное психиатрическое лечение

88. В деле *Gorobet v. Moldova*, 2011, Суд пришел к выводу об отсутствии медицинских показаний для принудительной госпитализации заявителя в психиатрическую больницу и его принудительного лечения в течение сорока одного дня. По мнению Суда, подобное незаконное и произвольное обращение вызывало у заявителя чувства страха и неполноценности и причинило ему страдания, достигшие уровня унижающего достоинство обращения (§ 52).

89. Аналогично, в деле *Bataliny v. Russia*, 2015 г., Суд установил, что, несмотря на обоснованность принудительной госпитализации заявителя, пытавшегося покончить жизнь самоубийством, наличие медицинских показаний для его дальнейшего пребывания в медицинском учреждении, в котором его удерживали против его воли, а также его участия в испытаниях нового медицинского препарата не было доказано (§§ 88-91).

90. Напротив, в деле *Naoumenko v. Ukraine*, 2004 г., §§ 113-116, Суд пришел к выводу об отсутствии доказательств, подтверждающих вне всяких разумных сомнений, что обращение с заявителем в исправительном учреждении, даже если оно являлось принудительным, противоречило статье 3 Конвенции. Суд обратил внимание, в частности, на тот факт, что заявитель страдал от серьезных психических расстройств и дважды пытался покончить жизнь самоубийством и что ему были назначены медицинские

препараты для облегчения симптомов (также *Dvořáček v. the Czech Republic*, 2014, § 106, где заявитель, страдавший расстройством сексуального предпочтения, жаловался, в частности, на лечение данного расстройства, которое предположительно проводилось без его осознанного согласия).

d. Принудительная стерилизация

91. Суд постановил, что стерилизация представляет собой серьезное вмешательство в репродуктивное здоровье лица. Она может правомерно осуществляться по просьбе заинтересованного лица, например, в качестве метода контрацепции или в терапевтических целях, при условии, что имеются убедительные доказательства соответствующих медицинских показаний. Тем не менее, Суд пришел к выводу, что подобное медицинское вмешательство без согласия вменяемого взрослого пациента несовместимо с требованием уважения свободы и достоинства человека – одним из основополагающих принципов, на которых основана Конвенция (*V.C. v. Slovakia*, 2011, § 107).

92. В деле *V.C. v. Slovakia*, 2011 г., касающемся заявительницы, цыганской женщины, которая родила ребенка с помощью кесарева сечения, после чего была стерилизована без ее осознанного на то согласия, Суд установил, что, несмотря на отсутствие признаков умышленного жестокого обращения со стороны медицинских сотрудников, их действия, тем не менее, свидетельствовали о грубом пренебрежении к праву заявительницы на самостоятельный выбор как пациентки. Таким образом, данное обращение было признано нарушающим статью 3 Конвенции (§§ 106-120; также *N.B. v. Slovakia*, 2012 г., в котором Суд установил, что стерилизация несовершеннолетней заявительницы не представляла собой медицинское вмешательство в целях спасения ее жизни и что данная процедура была проведена без осознанного согласия заявительницы и/или ее представителя. Такая процедура не являлась совместимой с требованием уважения человеческой свободы и достоинства заявительницы (§§ 74-81).

e. Изъятие наркотических средств и иных доказательств из тела человека

93. Суд подчеркнул, что статья 3 Конвенции сама по себе не запрещает медицинское вмешательство против воли подозреваемого с целью получения доказательств его причастности к совершению преступления даже в ситуациях, когда медицинские показания для подобного вмешательства отсутствуют. В то же время, любое принудительное медицинское вмешательство в целях получения доказательств преступления должно быть убедительно обосновано фактическими обстоятельствами конкретного дела. Это особенно справедливо для случаев, когда посредством медицинского вмешательства планируется извлечь из тела человека реальные доказательства преступления, в совершении которого он подозревается. Подобным действиям свойственен особый инвазивный характер, в связи с чем необходимо тщательное изучение всех соответствующих обстоятельств. Следует, в частности, надлежащим образом учитывать серьезность рассматриваемого преступления. Кроме того, власти обязаны доказать, что они рассмотрели иные методы получения доказательств. Также само вмешательство не должно способствовать возникновению какой-либо угрозы длительного расстройства для здоровья подозреваемого (*Jalloh v. Germany* [БП], 2006, §§ 70-71).

94. Помимо этого, как и в ситуации вмешательства в терапевтических целях, действия в рамках принудительной медицинской процедуры по извлечению доказательств из тела лица не должны превышать минимальный уровень жестокости, установившийся в практике Суда по статье 3 Конвенции. В данном контексте следует обращать внимание на следующие обстоятельства: причинило ли принудительное медицинское вмешательство серьезную физическую боль или страдания соответствующему лицу; была ли процедура в

рамках принудительного медицинского вмешательства назначена и проведена врачами; находилось ли лицо под постоянным медицинским наблюдением; а также, привело ли принудительное медицинское вмешательство к какому-либо ухудшению или возникновению долгосрочных последствий для состояния здоровья соответствующего лица (*Jalloh v. Germany* [БП], 2006, §§ 72-74).

95. Например, Суд пришел к выводу об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции в ситуации, когда власти должны были взять образцы крови и слюны у подозреваемого против его воли в целях установления его причастности к преступлению, поскольку способ, которым были взяты образцы, нанес лишь незначительные телесные повреждения и не причинил сильных физических и нравственных страданий (*Schmidt v. Germany* (реш.), 2006).

96. В то же время, Суд установил, что заявитель подвергся бесчеловечному и унижающему достоинство обращению в нарушение статьи 3 Конвенции в ситуации, когда в отделе полиции заявитель в принудительном порядке подвергся процедуре катетеризации с целью получения образца мочи и установления его причастности к преступлению, связанному с нарушением правил дорожного движения. Суд обратил внимание, что власти, взяв также образец крови заявителя, получили те же доказательства, и что способ, которым была проведена процедура катетеризации, причинил заявителю физическую боль и нравственные страдания (*R.S. v. Hungary*, 2019, § 72).

III. Защита от пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения или наказания со стороны лиц, не являющихся представителями государства

Статья 3 Конвенции

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

A. Объем позитивных обязательств государства

97. Несмотря на то, что, в соответствии с Конвенцией, Договаривающееся государство не несет прямую ответственность за действия частных лиц (*Beganović v. Croatia*, 2009, § 68⁹) и представителей государства, действующих в частном качестве (*Çelik v. Turkey (no. 2)*, 2010, § 33), Суд пришел к выводу, что ответственность государства, тем не менее, может быть затронута в рамках обязательства, налагаемого статьей 1 Конвенции.

98. Суд постановил, что обязательство Высоких Договаривающихся Сторон в соответствии со статьей 1 Конвенции обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Конвенции, в совокупности с положениями статьи 3 Конвенции требует от государств принимать меры для обеспечения лицам, находящимся под их юрисдикцией, таких условий, при которых они не будут подвергаться пыткам, бесчеловечному или унижающему достоинство обращению, в том

⁹ Цитируется пункт 70 (Прим. пер.).

числе, со стороны частных лиц (*Z and Others v. the United Kingdom* [БП], 2001, § 73; *O’Keeffe v. Ireland* [БП], 2014, § 144).

99. В частности, дети и иные уязвимые лица имеют право на эффективную защиту (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 177; *R.B. v. Estonia*, 2021, § 78).

100. Суд постоянно придерживался подхода, согласно которому статья 3 Конвенции налагает на государства обязательство защищать физическое благополучие лиц, оказавшихся в уязвимом положении в силу нахождения под контролем властей, например, задержанных и лиц, которые проходят военную службу по призыву (*Preminyin v. Russia*, 2011, § 73).

101. Суд рассматривал вопросы, касающиеся позитивного обязательства государств обеспечивать защиту от жестокого обращения в различном контексте, в частности:

- В контексте жестокого обращения с детьми (например, *A. v. the United Kingdom*, 1998; *Z and Others v. the United Kingdom* [БП], 2001; *Association Innocence en Danger and Association Enfance et Partage v. France*, 2020);
- В контексте домашнего насилия (например, *T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova*, 2014; *Talpis v. Italy*, <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-171994>2017; *Volodina v. Russia*, 2019; кроме того, по вопросам кибернасилия см. *Buturugă v. Romania*, 2020, §§ 74, 78-79);
- В контексте преступлений против половой неприкосновенности (например, *M.C. v. Bulgaria*, 2003; кроме того, применительно к несовершеннолетним лицам см. *I.C. v. Romania*, 2016; *M.G.C. v. Romania*, 2016);
- В контексте конфликтов между лицами, содержащимися в исправительном учреждении (например, *Pantea v. Romania*, 2003; *Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina*, 2008; *D.F. v. Latvia*, 2013);
- В контексте демонстраций (например, *Identoba and Others v. Georgia*, 2015, §§ 72-74, § 81; *Women’s Initiatives Supporting Group and Others v. Georgia*, 2021, §§ 70-78);
- В контексте физического и словесного преследования лица с ограниченными возможностями (*Dorđević v. Croatia*, 2012);
- В контексте физического и словесного преследования несовершеннолетнего лица (*V.K. v. Russia*, 2017) и пожилого лица (*Irina Smirnova v. Ukraine*, 2016);
- В контексте насилия по мотиву ненависти (например, *Škorjanec v. Croatia*, 2017; *Burlya and Others v. Ukraine*, 2018).

В. Характер позитивных обязательств государства

102. Позитивные обязательства, налагаемые на государства статьей 3 Конвенции, в материальном аспекте включают, во-первых, обязательство создать нормативно-правовую базу, защищающую соответствующие права; во-вторых, в определенных обстоятельствах — обязательство принимать своевременные меры для защиты конкретных лиц от угрозы обращения, противоречащего рассматриваемому запрету (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 178).

1. Обязанность создать соответствующую нормативно-правовую базу

103. Позитивное обязательство по статье 3 Конвенции требует создания нормативно-правовой базы, позволяющей обеспечить лицам достаточную защиту от посягательств на их физическую и психическую неприкосновенность, в частности, в наиболее серьезных

случаях, путем внедрения соответствующих положений в уголовное право и их эффективного применения (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 179).

104. Данное обязательство приобретает особое значение в контексте государственной службы, на которую возложена обязанность по защите здоровья и благополучия детей, особенно когда они уязвимы и находятся под исключительным контролем властей. В определенных случаях данное обязательство может требовать принятия специальных мер и гарантий. Суд подчеркивал, что в ситуациях, связанных с сексуальным насилием в отношении детей, в частности, когда лицо, совершающее насилие, обладает властью в отношении ребенка, существование действенных механизмов обнаружения правонарушений и информирования о них является основой эффективного исполнения соответствующих положений уголовного законодательства (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 180).

105. В контексте домашнего насилия Суд пришел к выводу, что рассматриваемое обязательство обычно предполагает принятие властями позитивных мер в области уголовно-правовой защиты. К таким мерам, в частности, относится криминализация актов домашнего насилия посредством установления эффективных и соразмерных уголовных санкций, направленных на сдерживание лиц от совершения подобных действий (*Volodina v. Russia*, 2019, § 78). Кроме того, Суд обращает внимание, что в рамках внутреннего законодательства должен существовать достаточный набор правовых и оперативных мер, из которых компетентные органы могли бы выбирать наиболее подходящие для конкретного случая и наиболее соответствующие уровню угрозы (в том числе, смертельной), возникающей в каждой конкретной ситуации (*Tunikova and Others v. Russia*, 2021, § 95).

2. Обязанность принимать оперативные меры по предотвращению нарушений

106. Как и в случае со статьей 2 Конвенции, статья 3 Конвенции может при определенных обстоятельствах требовать от государства принимать оперативные меры для защиты фактических и потенциальных жертв жестокого обращения (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 181).

107. Позитивное обязательство по обеспечению защиты в данном аспекте следует толковать таким образом, чтобы власти не оказались в ситуации, когда на них наложено чрезмерное бремя. В частности, следует учитывать непредсказуемость поведения людей и решений, которые принимаются в рамках определенных приоритетов и ресурсов. Таким образом, не каждая угроза жестокого обращения может повлечь за собой возникновение у властей обязательства в силу требований Конвенции принять меры по предотвращению такой угрозы. В то же время, требуемые меры должны, по крайней мере, обеспечивать эффективную защиту, в частности, детей и иных уязвимых лиц, и должны включать разумные действия по предотвращению жестокого обращения, о котором власти знали или должны были знать (*O’Keeffe v. Ireland* [БП], 2014, § 144).

108. Следовательно, для возникновения позитивного обязательства необходимо установить, что в соответствующее время власти знали или должны были знать о существовании реальной и непосредственной угрозы того, что конкретное лицо подвергнется жестокому обращению в результате неправомерных действий третьего лица, и что власти в рамках своих полномочий не приняли меры, которые от них можно было бы разумно ожидать, в целях предотвращения такой угрозы (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 183).

109. Суд отмечает, что в данном контексте оценка характера и степени угрозы является неотъемлемой частью обязательства принимать меры по предотвращению нарушений тогда, когда наличие угрозы того требует. Таким образом, проверка соблюдения

государством рассматриваемого обязательства должна включать анализ как того, насколько адекватно национальные власти оценили угрозу, так и того, насколько адекватными являлись предпринятые властями меры профилактического характера в ситуациях, когда соответствующая угроза, влекущая за собой обязанность действовать, была или должна была быть установлена (*Kurt v. Austria* [БП], 2021, § 159, с учетом того, что изложенное касается статьи 2 Конвенции).

110. По мнению Суда, нет необходимости доказывать причинно-следственную связь между бездействием государства и жестоким обращением. Факта непринятия разумно возможных мер, способных существенным образом изменить исход дела или уменьшить вред, достаточно для привлечения государства к ответственности (*O’Keeffe v. Ireland* [БП], 2014, § 149).

С. Примеры ситуаций

111. Суд установил, что государство-ответчик не выполнило свое обязательство по защите лиц от жестокого обращения в следующих случаях:

- администрация места содержания под стражей не смогла предотвратить систематическое жестокое обращение с лицом со стороны его сокамерников (*Preminyin v. Russia*, 2011, § 90; также *I.E. v. the Republic of Moldova*, 2020, § 46, в котором несовершеннолетнее лицо с психическим расстройством содержалось в одной камере с лицами, совершившими насильственные преступления, и подверглось избиению и изнасилованию);
- внутренняя нормативно-правовая база не определяла домашнее насилие как отдельное преступление или отягчающее обстоятельство в контексте иных преступлений и не устанавливала минимальный порог тяжести вреда здоровью, необходимый для начала уголовного расследования; кроме того, власти не предприняли никаких оперативных мер по предупреждению жестокого обращения и защите заявителя (*Volodina v. Russia*, 2019, § 85 и § 91; также *M.C. v. Bulgaria*, 2003, § 166, в котором Суд установил, что внутренняя нормативно-правовая база не обеспечивает достаточную защиту жертвы предполагаемого изнасилования);
- власти не смогли защитить представителя уязвимого религиозного меньшинства от систематических нападений (*Milanović v. Serbia*, 2010, § 90; также *Members of the Gldani Congregation of Jehovah’s Witnesses and Others v. Georgia*, 2007, §§ 100-105 и § 124, в котором члены религиозной организации «Свидетели Иеговы» во время собрания подверглись нападению со стороны православных христиан; вскоре после начала нападения о нем было сообщено в полицию, которая, тем не менее, не смогла предпринять достаточные меры для прекращения насилия и защиты жертв).

112. В то же время, в деле *X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021 г., § 183¹⁰, которое касалось утверждений о сексуальном насилии в организации для детей, оставшихся без попечения родителей, Суд пришел к выводу, что способ применения нормативно-правовой базы не привел к нарушению статьи 3 Конвенции, в частности, в связи с тем, что не было установлено наличие системной проблемы сексуального насилия в отношении малолетних детей, проживающих в специализированных учреждениях. Кроме того, по мнению Суда, в деле не имелось достаточных сведений, подтверждающих, что власти Болгарии знали или должны были знать о реальной и непосредственной угрозе жестокого

¹⁰ Цитируются пункты 194-199 (Прим. пер.).

обращения с заявителями, в связи с чем у них бы возникла обязанность принять конкретные меры для защиты заявителей от такой угрозы.

IV. Обязательство расследовать утверждения о пытках, бесчеловечном или унижающем достоинство обращении или наказании

Статья 3 Конвенции

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.»

A. Объем процессуальных обязательств

113. Если какое-либо лицо небезосновательно утверждает, что оно подверглось обращению, нарушающему статью 3 Конвенции, со стороны представителей государства, то положения упомянутой статьи Конвенции, толкуемые в совокупности с закрепленным в статье 1 Конвенции обязательством государств «обеспечивать каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в ... Конвенции», подразумевают требование провести эффективное официальное расследование данного инцидента (*Assenov and Others v. Bulgaria*, 1998, § 102; *El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 182). В противном случае общий правовой запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на его основополагающее значение, был бы неэффективным на практике, и в определенных случаях представители государства могли бы практически безнаказанно нарушать права тех, кто находится под их контролем (*Labita v. Italy* [БП], 2000, § 131).

114. В связи с этим Суд подчеркнул, что надлежащая реакция властей, выражающаяся, в том числе, в расследовании утверждений о жестоком обращении со стороны органов полиции или иных представителей государства в соответствии со стандартами, установленными статьей 3 Конвенции, имеет важное значение для поддержания веры общества в их приверженность верховенству закона, а также для предотвращения любых проявлений пособничества или терпимости по отношению к незаконным действиям (*Lyapin v. Russia*, 2014, § 139).

115. Данное процессуальное обязательство также подразумевает требование расследовать небезосновательные утверждения о жестоком обращении со стороны частных лиц (*M.P. and Others v. Bulgaria*, 2012, § 100; *X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 184).

B. Цель расследования

116. Первостепенной целью проведения расследования является обеспечение эффективного применения внутреннего законодательства, запрещающего пытки, бесчеловечное и унижающее достоинство обращение или наказание, в делах, касающихся государственных органов и представителей государства, а также привлечение данных лиц к ответственности за жестокое обращение в случаях, когда они могли контролировать развитие событий (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 117).

C. Характер и степень анализа

117. Характер и степень анализа, соответствующие минимальным требованиям эффективности расследования, зависят от обстоятельств конкретного дела. Они должны оцениваться на основе всех соответствующих фактических обстоятельств и с учетом практических реалий следственной работы (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 190).

118. Например, в случаях, когда дети могли стать жертвами сексуального насилия, государства, в соответствии с позитивными обязательствами, вытекающими из статьи 3 Конвенции, в рамках внутреннего разбирательства должны уделять первоочередное внимание эффективному осуществлению права детей на обеспечение их интересов, а также учитывать состояние особой уязвимости ребенка и его специфические потребности. В подобных случаях процессуальное обязательство по статье 3 Конвенции должно толковаться с учетом обязательств, вытекающих из иных применимых международных договоров, в частности, Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуального насилия («Конвенция Лансароте») (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 192).

D. Стандарты расследования

1. Предварительные замечания

119. В деле *S.M. v. Croatia* [БП], 2020 г., §§ 311-320, Суд обобщил свою практику, касающуюся процессуальных обязательств в соответствии с принципами статей 2, 3 и 4 Конвенции. Он отметил, что объем позитивных обязательств государства в целом может отличаться в каждом конкретном деле, однако процессуальные требования к расследованию случаев обращения, противоречащего Конвенции, едины как для дел с участием представителей государства, так и для дел, когда насилие было совершено частными лицами (*Sabalić v. Croatia*, 2021, § 96).

120. В частности, власти обязаны предпринимать меры сразу же после того, как была подана соответствующая официальная жалоба. При этом расследование должно быть проведено даже при отсутствии явно выраженной жалобы, если имеются иные достаточно ясные признаки применения пыток или жестокого обращения. С момента, когда властям становится известно о происшествии, они должны действовать по собственной инициативе (*Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia*, 2007, § 97).

121. Процессуальное обязательство в рамках статьи 3 Конвенции продолжает действовать также и в небезопасных условиях, в том числе во время вооруженного конфликта. Статья 3 Конвенции требует от властей принятия всех разумных мер для обеспечения эффективного и независимого расследования даже в тех ситуациях, когда события, из-за которых у государства возникает обязанность провести расследование, происходят в контексте повсеместного применения насилия, и когда различные препятствия и ограничения вынуждают компетентные органы прибегать к менее эффективным мерам при проведении расследования или приводят к задержке в ходе расследования (*Mocanu and Others v. Romania* [БП], 2014, § 319).

122. Наконец, Суд обращает внимание на следующие критерии, по которым он оценивает соблюдение процессуальных требований статьи 3 Конвенции и которые совпадают с критериями, предусмотренными статьей 2 Конвенции, а именно: адекватность следственных мероприятий, быстрота и независимость расследования, а также участие жертвы в его проведении. Все данные критерии взаимосвязаны, каждый из них по отдельности не является самоцелью. Данные критерии при рассмотрении в совокупности позволяют оценить степень эффективности расследования (*R.R. and R.D.*

v. Slovakia, 2020, § 178; *Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey* [БП], 2015, § 225 применительно к статье 2 Конвенции).

2. Независимость

123. Для того, чтобы расследование являлось эффективным, учреждения и лица, ответственные за его проведение, должны быть независимы от тех, в отношении кого такое расследование проводится. Подразумевается не только отсутствие иерархических и институциональных связей, но и практическая независимость (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 118).

124. В данном контексте необходим конкретный анализ независимости расследования в целом, а не абстрактная оценка. Следует отметить, что абсолютная независимость лиц и органов, осуществляющих расследование, не требуется. Критерий независимости подразумевает, что они должны обладать достаточной независимостью от тех лиц и учреждений, в отношении которых рассматривается вопрос о привлечении к ответственности. Надлежащая степень независимости оценивается с учетом всех обстоятельств каждого конкретного дела (*M.B. and Others v. Slovakia*, 2021, § 91).

125. По мнению Суда, расследование не соответствовало критерию независимости в следующих ситуациях:

- следствие проводилось военными прокурорами, находившимися вместе с обвиняемыми (двое из которых являлись генералами) в отношениях подчинения в соответствии с военной иерархией (*Mocanu and Others v. Romania* [БП], 2014, § 333);
- прокурор, проводивший расследование, также официально выдвинул против заявителя обвинения в совершении преступления и ходатайствовал о заключении заявителя под стражу (*Boicenco v. Moldova*, 2006, § 124);
- следственные органы поручили основную и значимую часть расследования (установление личности виновных в предполагаемом жестоком обращении) органам полиции, сотрудники которых предположительно совершили преступление, после чего, опираясь на их выводы о невозможности установить личность причастных сотрудников, не предпринимали никаких дальнейших действий (*Najafli v. Azerbaijan*, 2012, §§ 52-54; также *Bursuc v. Romania*, 2004, § 104, в котором сбор доказательств и допрос свидетелей осуществляли сотрудники полиции, служившие в том же подразделении на территории того же города, что и сотрудники, в отношении которых проводилось расследование);
- пресс-секретарь Министерства внутренних дел, сотрудником которого являлось лицо, ответственное за проведение расследования, сообщил средствам массовой информации о том, что заявитель не подвергался жестокому обращению со стороны сотрудников полиции и что его утверждения не соответствуют действительности; данное сообщение было сделано через три дня после начала расследования и в отсутствие каких-либо официальных позиций и выводов следствия по делу (*Emin Huseynov v. Azerbaijan*, 2015, § 74);
- следователи не предприняли никаких независимых действий, например, они не смогли допросить ни второго заявителя, ни сотрудников полиции, причастных к инциденту, ни свидетелей, а также они не провели судебно-медицинскую экспертизу телесных повреждений второго заявителя, в связи с чем Суд пришел к выводу о непрозрачности и недостаточной независимости их поведения (*Durđević v. Croatia*, 2011, §§ 89-90);

- при установлении фактических обстоятельств дела следственные органы необоснованно опирались исключительно на версию событий, предоставленную сотрудниками полиции, в числе которых находились лица, которые предположительно подвергли заявителя жестокому обращению или были иным образом причастны к инциденту; при этом ни заявитель, ни какие-либо свидетели допрошены не были (*Virabyan v. Armenia*, 2012, §§ 165-167; *Suleymanov v. Russia*, 2013, § 144);
- прокуратура обратилась за помощью к полиции, сотрудники которой находились в том же подчинении, что и сотрудники, в отношении которых проводилось расследование (*Baranin and Vukčević v. Montenegro*, 2021, § 144).

126. В то же время, Суд не обнаружил какие-либо недостатки в контексте независимости расследования в следующих ситуациях:

- административный орган и его сотрудники, чьи действия оспаривались, не были причастны к инциденту; также отсутствовали какие-либо доказательства того, что во время расследования данные лица действовали недостаточно независимо (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 207); расследование в значительной степени проводилось не только представителями органов судебной власти в рамках уголовного судопроизводства, но также и отдельным административным органом, предоставившим все гарантии независимости (*P.M. and F.F. v. France*, 2021, § 71);
- расследование осуществлялось государственной прокуратурой, которая как иерархически, так и институционально являлась независимой от тех лиц, в отношении которых проводилось расследование; все следственные действия производились прокуратурой самостоятельно и без опоры на тех лиц и учреждения, чья иерархическая или институциональная независимость могла являться спорной (*V.D. v. Croatia (no. 2)*, 2018, § 69).

3. Адекватность

127. Расследование должно соответствовать требованиям адекватности для того, чтобы считаться «эффективным». Это означает, что расследование должно быть способно установить фактические обстоятельства произошедшего; определить, являлось ли обоснованным применение силы в данном контексте; а также выявить и, в соответствующих случаях, обеспечить привлечение к ответственности виновных лиц (*Labita v. Italy* [БП], 2000, § 131; *Jeronovičs v. Latvia* [БП], 2016, § 103). В противном случае общий правовой запрет пыток, бесчеловечного и унижающего достоинство обращения и наказания, несмотря на его основополагающее значение, был бы неэффективным на практике, и в определенных случаях представители государства могли бы практически безнаказанно нарушать права тех, кто находится под их контролем (*Cestaro v. Italy*, 2015, § 204).

128. Расследование должно проводиться тщательно. Подразумевается, что власти должны в любом случае предпринять серьезную попытку выяснить обстоятельства произошедшего и не должны полагаться на поспешные или необоснованные выводы при завершении расследования и использовать подобные выводы в качестве основы при принятии решений. Власти должны предпринимать все доступные им разумные действия для получения доказательств, касающихся инцидента, в частности, показаний свидетелей и результатов судебной экспертизы. Любой недостаток в расследовании, подрывающий его способность установить причину возникновения телесных повреждений или лиц, причастных к их возникновению, может привести к нарушению данного стандарта (*El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia* [БП], 2012, § 183).

129. Суд пришел к выводу, что расследование не являлось адекватным, в следующих случаях:

- следственные органы прекратили расследование в отношении утверждений заявителя о жестоком обращении со стороны сотрудников полиции, опираясь преимущественно на показания сотрудников полиции, в частности, тех, кто предположительно подверг заявителя жестокому обращению, а также на внутренние документы полиции (*M.F. v. Hungary*, 2017, § 55; также *Archip v. Romania*, 2011, §§ 66-71, в котором следственные органы продемонстрировали избирательный и в определенной степени непоследовательный подход к оценке доказательств, а судебные органы принимали решение по делу без подробного и тщательного анализа его фактических обстоятельств;
- уполномоченные органы не предприняли никаких действий и не провели официальное расследование инцидента, несмотря на заслуживающие доверия утверждения о жестоком обращении, доведенные до их сведения (*M.S. v. Croatia (no. 2)*, 2015, §§ 81-84; *Hovhannisyan v. Armenia*, 2018, §§ 58-59);
- лицо, виновное в жестоком обращении, не было официально установлено и привлечено к ответственности, несмотря на то, что заявитель его опознал (*Barovov v. Russia*, 2021, § 39);
- власти не смогли установить личность и допросить сотрудников специализированного подразделения полиции, вторгшихся в дом заявителя в масках и без опознавательных знаков и, по словам заявителя, подвергших его жестокому обращению (*Hristovi v. Bulgaria*, 2011, § 91);
- властями были допущены процессуальные ошибки, в результате которых основные доказательства по делу были признаны неприемлемыми и уголовное разбирательство зашло в тупик (*Maslova and Nalbandov v. Russia*, 2008, §§ 92-97).

130. В то же время Суд, приняв во внимание различные действия властей, не обнаружил недостатки в контексте адекватности расследования в следующих делах:

- *Baklanov v. Ukraine*, 2013 г., касавшееся предполагаемого жестокого обращения и издевательств над заявителем во время прохождения обязательной военной службы;
- *V.D. v. Croatia (no. 2)*, 2018 г., касавшееся нового расследования, начатого государственной прокуратурой в связи с утверждениями о жестоком обращении, ранее признанном Судом нарушающим статью 3 Конвенции;
- *P.M. and F.F. v. France*, 2021 г., касавшееся утверждений о жестоком обращении с заявителями со стороны полиции во время допроса и во время содержания под стражей в полиции.

4. Быстрота и своевременность

131. Согласно требованиям статьи 3 Конвенции, расследования должны проводиться быстро и своевременно. Несмотря на возможное наличие в каждом конкретном деле препятствий, затрудняющих производство расследования, быстрая реакция властей при расследовании утверждений о жестоком обращении имеет важное значение для поддержания веры общества в их приверженность верховенству закона, а также для предотвращения любых проявлений пособничества или терпимости по отношению к незаконным действиям (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 121).

132. Суд установил, в частности, что расследование на национальном уровне не соответствовало требованиям быстроты и оперативности в ситуациях, когда:

- уголовное разбирательство по делу о домашнем насилии в отношении несовершеннолетнего лица прошло три судебные инстанции и заняло восемь лет и четыре месяца (*D.M.D. v. Romania*, 2017, § 53¹¹; также *Y. v. Slovenia*, 2015, § 99, в котором с момента подачи заявительницей жалобы на сексуальное насилие до вынесения судом первой инстанции решения по делу прошло более семи лет);
- в деле, касавшемся жестокого обращения в исправительном учреждении, с момента поступления соответствующих жалоб и до начала судебного разбирательства в отношении сотрудников данного учреждения прошло пять лет и восемь месяцев; на момент рассмотрения дела в Суде разбирательство все еще продолжалось (*Indelicato v. Italy*, 2001, § 37);
- имели место необоснованные задержки при установлении личности свидетелей и получении их показаний (*Baranin and Vukčević v. Montenegro*, 2021, § 142; *Mătăsar and Savițchi v. Moldova*, 2010, § 88 и § 93);
- разбирательство необоснованно затягивалось, что привело к истечению срока давности уголовного преследования (*Angelova and Iliev v. Bulgaria*, 2007, §§ 101-103; *Barovov v. Russia*, 2021, § 39 и § 42);
- власти допустили задержки при допросе ключевого специалиста и не отреагировали на явные признаки жестокого обращения; кроме того, по делу в течение длительного периода времени не принималось никаких решений (*I.E. v. the Republic of Moldova*, 2020, § 52);
- были допущены задержки в ходе получения устных показаний от заявителей, являвшихся несовершеннолетними и предположительно подвергшихся жестокому обращению по мотиву расовой ненависти (*M.B. and Others v. Slovakia*, 2021, §§ 82-83).

133. В то же время, Суд установил, что расследование соответствовало требованиям быстроты и своевременности, в следующих ситуациях:

- продолжительность расследования могла быть обоснована масштабом следственных мероприятий, в частности, проведением многочисленных слушаний и не менее чем четырех экспертиз (*Ghedir and Others v. France*, 2015, § 133);
- разбирательство по поводу компенсации длилось 15 лет, однако в ходе него были установлены факты, касавшиеся причинения заявительнице тяжких телесных повреждений, ей была присуждена компенсация, а виновные лица были привлечены к ответственности (*Isayeva v. Ukraine*, 2018, §§ 63-66);
- расследование длилось в общей сложности около шести месяцев, несмотря на определенную сложность дела, в частности, необходимость допросить нескольких свидетелей, получить заключение экспертизы и собрать иные доказательства по делу (*V.D. v. Croatia (no. 2)*, 2018, § 80).

5. Общественный контроль и участие жертвы

134. Общество должно иметь возможность контролировать проведение расследования в целях обеспечения как практической, так и теоретической подотчетности ответственных за него лиц (*Al Nashiri v. Romania*, 2018, § 641, а также упомянутые в нем дела).

135. Кроме того, жертва должна иметь возможность эффективно участвовать в расследовании (*Bouyid v. Belgium* [БП], 2015, § 122; *X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 189). В то же время, раскрытие или публикация каких-либо полицейских рапортов или

¹¹ Цитируется пункт 43 (Прим. пер.).

материалов дела может затрагивать вопросы деликатного характера, касающиеся интересов частных лиц или иных расследований, и повлечь для них негативные последствия. В связи с этим невозможно утверждать, что требование предоставить жертве и ее ближайшим родственникам возможность участвовать в расследовании по мере его продвижения является автоматическим. Требуемый доступ к расследованию может быть обеспечен на иных стадиях разбирательства. Следственные органы не обязаны удовлетворять каждое ходатайство о проведении какого-либо конкретного следственного мероприятия (*Stevan Petrović v. Serbia*, 2021, § 109).

136. По мнению Суда, расследование не было в достаточной степени доступно для жертвы, или возможность осуществлять общественный контроль за расследованием не была надлежащим образом обеспечена, в следующих ситуациях:

- следователь не допрашивал потерпевших лично и не упомянул их версию событий в постановлениях о прекращении уголовного дела; соответствующие постановления в дальнейшем даже не были направлены потерпевшим (*Dedovskiy and Others v. Russia*, 2008, § 92);
- во внутреннем законодательстве не была предусмотрена специальная процедура предоставления доступа к материалам дела на стадиях досудебного производства, в частности, не были определены конкретные основания для его предоставления либо отказа в его предоставлении, пределы такого доступа, а также сроки рассмотрения соответствующих ходатайств и непосредственно предоставления доступа (*Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine*, 2010, § 73);
- власти постоянно скрывали сведения о своих решениях или предоставляли их заявителям со значительными задержками в нарушение прямых требований внутреннего законодательства (*Chernega and Others v. Ukraine*, 2019, § 166).

137. В то же время, Суд пришел к выводу, что расследование соответствовало требованиям об обеспечении общественного контроля и участия жертвы в ситуации, когда заявителю были предоставлены адекватные сведения о ходе расследования и доступ к материалам дела, в связи с чем у него имелась возможность участвовать в процессе установления фактических обстоятельств и сбора доказательств (*V.D. v. Croatia (no. 2)*, 2018, § 78).

Е. Вопросы, касающиеся уголовного преследования, назначения наказания и возмещения вреда

138. Суд подчеркнул, что под обязательством проводить эффективное расследование подразумевается обязательство принимать все доступные и возможные меры, а не обязательство непременно достигнуть определенных результатов (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 186). Разбирательство в целом, в том числе, при переходе от стадии расследования к стадии судебного производства, должно соответствовать требованиям статьи 3 Конвенции. В частности, это касается мер ответственности, применяемых по итогам судебного производства. Разбирательство не обязано непременно приводить к вынесению обвинительного приговора и назначению определенной меры наказания, однако суды на национальном уровне ни при каких обстоятельствах не должны оставлять безнаказанными случаи серьезного посягательства на физическую и психическую неприкосновенность или назначать чрезмерно легкие наказания за серьезные преступления. Таким образом, Суду важно оценить, произвели ли суды на национальном уровне при вынесении решения тщательный анализ всех обстоятельств дела и каковы были пределы такого анализа, а также не умаляется ли сдерживающий эффект рассматриваемой судебной системы и значимость ее роли по предотвращению нарушений запрета на жестокое обращение (*Sabalić v. Croatia*, 2021, § 97).

139. Следовательно, Суд, уважая право национальных властей и судов на самостоятельное определение надлежащей меры ответственности за жестокое обращение, тем не менее, обязан осуществлять определенный контроль в данной сфере и вмешиваться в случаи, когда назначенное наказание явно не соответствует тяжести деяния (*Myumyun v. Bulgaria*, 2015, § 67).

140. Если представителям государства были предъявлены обвинения в совершении преступлений, связанных с жестоким обращением, то они должны быть отстранены от исполнения служебных обязанностей на время расследования и судебного разбирательства, а также уволены – в случае признания их виновными (*Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 125; *Barovov v. Russia*, <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-2105362021>, § 43).

141. Кроме того, Суд приходил к выводу, что в делах о пытках или жестоком обращении, совершенных представителями государства, уголовное разбирательство не должно прекращаться в связи с истечением срока давности уголовного преследования, и что амнистии и помилования в подобных делах не являются допустимыми (*Mocanu and Others v. Romania* [БП], 2014, § 326). Данный принцип также распространяется и на случаи насилия со стороны частных лиц, особенно, если они касаются серьезных нарушений основных прав человека (*Pulfer v. Albania*, 2018, § 83; *E.G. v. the Republic of Moldova*, 2021, § 43).

142. Наконец, при рассмотрении дел, касавшихся умышленного жестокого обращения со стороны представителей государства в нарушение статьи 3 Конвенции, Суд неоднократно приходил к выводу, что власти обязаны предпринимать следующие действия в контексте надлежащего возмещения вреда, причиненного нарушением: во-первых, государственные органы должны провести тщательное и эффективное расследование утверждений о жестоком обращении, способное установить личность и привлечь к ответственности виновных лиц; во-вторых, заявителю должна быть присуждена компенсация, если это необходимо, или, по крайней мере, заявитель должен иметь возможность требовать и получать компенсацию вреда, причиненного ему в результате жестокого обращения (*Gäfgen v. Germany* [БП], 2010, § 116; *Razzakov v. Russia*, 2015, § 50).

F. Расследование преступлений по мотиву ненависти

143. Суд подчеркнул особую важность расследования нападений с расовым подтекстом. Расследования таких случаев должны проводиться решительно и беспристрастно, с учетом необходимости постоянно подтверждать неприятие расизма обществом и сохранять уверенность национальных меньшинств в том, что власти способны защитить их от угрозы применения насилия расистами (*Antayev and Others v. Russia*, 2014, § 110).

144. Таким образом, при расследовании случаев насилия, предположительно вызванного расистскими соображениями, национальные власти обязаны предпринять все разумные действия, чтобы выяснить, действительно ли мотивы носили расистский характер и имело ли какое-либо значение в контексте произошедшего чувство ненависти или предубеждения в отношении этнического происхождения лица. Единый подход к расследованию инцидентов, сопряженных с насилием и жестокостью на расовой почве, и инцидентов, лишенных какого-либо расистского подтекста, равнозначен игнорированию специфического характера деяний, являющихся особенно разрушительными в контексте основных прав человека (*Abdu v. Bulgaria*, 2014, § 44). Рассматриваемое обязательство возложено на государства статьей 14 Конвенции в сочетании со статьей 3 Конвенции, при этом оно также является аспектом процессуальных обязательств, вытекающих из статьи 3 Конвенции (*M.F. v. Hungary*, 2017, § 73). Данный подход справедлив и для случаев, когда обращение, нарушающее статью 3 Конвенции, применяется частным лицом (*Abdu v. Bulgaria*, 2014, § 44).

145. Более того, подобные требования к расследованию распространяются не только случаи насилия, вызванные фактическим или предполагаемым статусом жертвы или ее характеристиками, но и на случаи насилия, вызванные фактической или предполагаемой связью жертвы с иным лицом, которое фактически или предположительно обладает определенным статусом или защищаемыми характеристиками (*Škorjanec v. Croatia*, 2017, § 56).

146. Доказать расовый характер мотива на практике часто бывает затруднительно. Обязательство государства-ответчика расследовать возможные расистские подтексты насилия не является абсолютным и подразумевает обязанность приложить все возможные усилия. В каждом конкретном обстоятельстве власти должны предпринимать все разумные действия для сбора и обеспечения сохранности доказательств, использовать все возможные средства для установления истинной картины произошедших событий и выносить полностью обоснованные, беспристрастные и объективные решения, принимая во внимание, в том числе, и вызывающие определенные подозрения факты, которые могут свидетельствовать о расовом подтексте насилия (*Antayev and Others v. Russia*, 2014, § 122¹²).

147. Власти должны руководствоваться данными соображениями и при расследовании случаев насилия, вызванного, например, религиозной нетерпимостью или дискриминацией по признаку пола или сексуальной ориентации (*Sabalić v. Croatia*, 2021, § 94).

148. Более подробные сведения можно найти в [Руководстве по прецедентному праву по статье 14 Конвенции и статье 1 Протокола № 12 – Запрещение дискриминации](#).

Г. Процессуальные обязательства в трансграничном контексте

149. В определенных обстоятельствах требование провести эффективное расследование может включать в себя также обязанность уполномоченных органов сотрудничать с властями другого государства, то есть, обязанность обращаться за помощью и предоставлять помощь. Характер и объем данных обязательств зависят от обстоятельств конкретного дела, например, от того, находятся ли подозреваемые лица или основные доказательства на территории соответствующего Договаривающегося Государства. Это означает, что власти государств должны принимать все возможные разумные меры, чтобы сотрудничать друг с другом и добросовестно использовать все средства, которые им доступны в соответствии с международными документами, регулирующими вопросы взаимной правовой помощи и сотрудничества по уголовным делам. Несмотря на то, что Суд не уполномочен контролировать соблюдение международных договоров и обязательств, кроме тех, что налагает Конвенция, как правило, в подобном контексте он проверяет, использовали ли власти государства-ответчика возможности, предоставленные им в рамках данных документов (*X and Others v. Bulgaria* [БП], 2021, § 19¹³).

Н. Возобновление процессуальных обязательств

150. При определенном развитии событий процессуальное обязательство может возникнуть вновь, например, в связи с появлением новых сведений и доказательств, которые порождают сомнения в результатах проведенного до этого расследования или судебного разбирательства (*Egmez v. Cyprus* (реш.), 2012, § 63). Характер любого дальнейшего расследования и объем необходимых следственных мероприятий,

¹² Цитируется пункт 121 (Прим. пер.).

¹³ Цитируется пункт 191 (Прим. пер.).

требуемых в соответствии с рассматриваемым процессуальным обязательством, неизбежно будут зависеть от обстоятельств каждого конкретного случая и могут отличаться от того подхода, который применяется непосредственно после жестокого обращения (*Jeronovičs v. Latvia* [БП], 2016, § 107).

Перечень упоминаемых дел

В настоящем Руководстве упоминаются постановления и решения, вынесенные Европейским судом по правам человека, а также решения и доклады Европейской Комиссии по правам человека.

Если не оговорено иное, все указания на дела отсылают к постановлениям, вынесенным Палатой Суда по существу дела. Также используются следующие сокращения: «(реш.)» — «решение Суда»; «[БП]» — «дело рассмотрено Большой Палатой».

Ссылки на дела, приведенные в электронной версии настоящего Руководства, предназначены для перехода на сайт базы данных HUDOC (<<http://hudoc.echr.coe.int>>), где хранятся тексты всех постановлений и решений, вынесенных Судом (постановления и решения Большой палаты, Палат и Комитетов, коммуницированные дела, консультативные заключения и краткие изложения дел из «Бюллетеня Европейского Суда по правам человека»), тексты документов Европейской Комиссии по правам человека (решения и доклады) и тексты резолюций Комитета министров Совета Европы.

Суд выносит решения и постановления на английском и/или французском языках, которые являются его официальными языками. В базе HUDOC также содержатся переводы документов по многим важным делам на примерно тридцать неофициальных языков и ссылки приблизительно на сто онлайн-сборников прецедентной практики, составленных третьими лицами.

—А—

- A v. Russia*, жалоба № 37735/09, 12 ноября 2019 г.
A. v. the United Kingdom, 23 сентября 1998, Сборник постановлений и решений 1998-VI
A and B v. Croatia, жалоба № 7144/15, 20 июня 2019 г.
A. and Others v. the United Kingdom [БП], жалоба № 3455/05, ECHR 2009 г.
A.L. (X.W.) v. Russia, жалоба № 44095/14, 29 октября 2015 г.
A.P. v. Slovakia, жалоба № 10465/17, 28 января 2020 г.
A.P., Garçon and Nicot v. France, жалоба № 79885/12 и 2 другие жалобы, 6 апреля 2017 г.
Abdu v. Bulgaria, жалоба № 26827/08, 11 марта 2014 г.
Abdyusheva and Others v. Russia, жалоба № 58502/11 и две другие жалобы, 26 ноября 2019 г.
Abu Zubaydah v. Lithuania, жалоба № 46454/11, 31 мая 2018 г.
Aggerholm v. Denmark, жалоба № 45439/18, 15 сентября 2020 г.
Aghdgomelashvili and Japaridze v. Georgia, жалоба № 7224/11, 8 октября 2020 г.
Akkum v. Turkey, жалоба № 21894/93, ECHR 2005-II (извлечения)
Akpınar and Altun v. Turkey, жалоба № 56760/00, 27 февраля 2007 г.
Aksoy v. Turkey, 18 декабря 1996, Сборник постановлений и решений 1996-VI
Ali Güneş v. Turkey, жалоба № 9829/07, 10 апреля 2012 г.
Al Nashiri v. Poland, жалоба № 28761/11, 24 июля 2014 г.
Al Nashiri v. Romania, жалоба № 33234/12, 31 мая 2018 г.
Al-Saadoon and Mufdhi v. the United Kingdom, жалоба № 61498/08, ECHR 2010 г.
Ananyev and Others v. Russia, жалобы № 42525/07 и № 60800/08, 10 января 2012 г.
Angelova and Iliev v. Bulgaria, жалоба № 55523/00, 26 июля 2007 г.
Antayev and Others v. Russia, жалоба № 37966/07, 3 июля 2014 г.
Anzhelo Georgiev and Others v. Bulgaria, жалоба № 51284/09, 30 сентября 2014 г.
Archip v. Romania, жалоба № 49608/08, 27 сентября 2011 г.

Assenov and Others v. Bulgaria, 28 октября 1998, Сборник постановлений и решений 1998-VIII
Association Innocence en Danger and Association Enfance et Partage v. France, жалобы № 15343/15 и № 16806/15, 4 июня 2020 г.
Aswat v. UK, жалоба № 17299/12, 16 апреля 2013 г.
Aydin v. Turkey, 25 сентября 1997, Сборник постановлений и решений 1997-VI

—B—

Babar Ahmad and Others v. the United Kingdom, жалоба № 24027/07 и 4 другие жалобы, 10 апреля 2012 г.
Baklanov v. Ukraine, жалоба № 44425/08, 24 октября 2013 г.
Baranin and Vukčević v. Montenegro, жалобы № 24655/18 и № 24656/18, 11 марта 2021 г.
Barovov v. Russia, жалоба № 9183/09, 15 июня 2021 г.
Barbotin v. France, жалоба № 25338/16, 19 ноября 2020 г.
Barta v. Hungary, жалоба № 26137/04, 10 апреля 2007 г.
Bataliny v. Russia, жалоба № 10060/07, 23 июля 2015 г.
Bati and Others v. Turkey, жалобы № 33097/96 и № 57834/00, ECHR 2004-IV (извлечения)
Beganović v. Croatia, жалоба № 46423/06, 25 июня 2009 г.
Berliński v. Poland, жалобы № 27715/95 и № 30209/96, 20 июня 2002 г.
Blokhin v. Russia [БП], жалоба № 47152/06, 23 марта 2016 г.
Boicenco v. Moldova, жалоба № 41088/05, 11 июля 2006 г.
Boukrourou and Others v. France, жалоба № 30059/15, 16 ноября 2017 г.
Bouyid v. Belgium [БП], жалоба № 23380/09, ECHR 2015 г.
Burlya and Others v. Ukraine, жалоба № 3289/10, 6 ноября 2018 г.
Bursuc v. Romania, жалоба № 42066/98, 12 октября 2004 г.
Buturugă v. Romania, жалоба № 56867/15, 11 февраля 2020 г.

—C—

Cangöz and Others v. Turkey, жалоба № 7469/06, 26 апреля 2016 г.
Castellani v. France, жалоба № 43207/16, 30 апреля 2020 г.
Cazan v. Romania, жалоба № 30050/12, 5 апреля 2016 г.
Cestaro v. Italy, жалоба № 6884/11, 7 апреля 2015 г.
Çelik v. Turkey (no. 2), жалоба 39326/02, 27 мая 2010 г.
Chember v. Russia, жалоба № 7188/03, ECHR 2008 г.
Chernega and Others v. Ukraine, жалоба № 74768/10 18 июня 2019 г.
Ciorap v. Moldova, жалоба № 12066/02, 19 июня 2007 г.
Comoraşu v. Romania, жалоба № 16270/12, 31 мая 2016 г.
Cyprus v. Turkey [БП], жалоба № 25781/94, ECHR 2001-IV

—D—

D.F. v. Latvia, жалоба № 11160/07, 29 октября 2013 г.
D.M.D. v. Romania, жалоба № 23022/13, 3 октября 2017 г.
D.P. and J.C. v. the United Kingdom, жалоба № 38719/97, 10 октября 2002 г.
Daşlık v. Turkey, жалоба № 38305/07, 13 июня 2017 г.
Dedovskiy and Others v. Russia, жалоба № 7178/03, ECHR 2008 г. (извлечения)
Dembele v. Switzerland, жалоба № 74010/11, 24 сентября 2013 г.
Đorđević v. Croatia, жалоба № 41526/10, ECHR 2012 г.

Đurđević v. Croatia, жалоба № 52442/09, ECHR 2011 г. (извлечения)
Dvořáček v. the Czech Republic, жалоба № 12927/13, 6 ноября 2014 г.

—E—

E.G. v. the Republic of Moldova, жалоба № 37882/13, 13 апреля 2021 г.
Egmez v. Cyprus (реш.), жалоба № 12214/071, 18 сентября 2012 г.
Elberte v. Latvia, жалоба № 61243/08, ECHR 2015 г.
El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia [БП], жалоба № 39630/09, ECHR 2012 г.
Emin Huseynov v. Azerbaijan, жалоба № 59135/09, 7 мая 2015 г.
Enea v. Italy [БП], жалоба № 74912/01, ECHR 2009 г.
Enzile Özdemir v. Turkey, жалоба № 54169/00, 8 января 2008 г.
Erdal Aslan v. Turkey, жалобы № 25060/02 и № 1705/03, 2 декабря 2008 г.

—G—

Gäfgen v. Germany [БП], жалоба № 22978/05, ECHR 2010 г.
Georgel and Georgeta Stoicescu v. Romania, жалоба № 9718/03, 26 июля 2011 г.
Georgia v. Russia (I) [БП], жалоба № 13255/07, ECHR 2014 г. (извлечения)
Georgia v. Russia (II) [БП] (merits), жалоба № 38263/08, 21 января 2021 г.
Ghedir and Others v. France, жалоба № 20579/12, 16 июля 2015 г.
Gorobet v. Moldova, жалоба № 30951/10, 11 октября 2011 г.
Gutsanovi v. Bulgaria, жалоба № 34529/10, ECHR 2013 г. (извлечения)

—H—

Harkins and Edwards v. the United Kingdom, жалобы № 9146/07 и № 32650/07, 17 января 2012 г.
Hasan İlhan v. Turkey, жалоба № 22494/93, 9 ноября 2004 г.
Herczegfalvy v. Austria, 24 сентября 1992 г., Series A no. 244
Hristovi v. Bulgaria, жалоба № 42697/05, 11 октября 2011 г.
Hristozov and Others v. Bulgaria, жалобы № 47039/11 и № 358/12, ECHR 2012 г. (извлечения)
Hovhannisyan v. Armenia, жалоба № 18419/13, 19 июля 2018 г.
Hudorovič and Others v. Slovenia, жалобы № 24816/14 и № 25140/14, 10 марта 2020 г.
Hutchinson v. the United Kingdom [БП], жалоба № 57592/08, 17 января 2017 г.

—I—

I.C. v. Romania, жалоба № 36934/08, 24 мая 2016 г.
I.E. v. the Republic of Moldova, жалоба № 45422/13, 26 мая 2020 г.
Idalov v. Russia [БП], жалоба № 5826/03, 22 мая 2012 г.
Identoba and Others v. Georgia, жалоба № 73235/12, 12 мая 2015 г.
Ilaşcu and Others v. Moldova and Russia [БП], жалоба № 48787/99, ECHR 2004-VII
İlhan v. Turkey [БП], жалоба № 22277/93, ECHR 2000-VII
Ilias and Ahmed v. Hungary [БП], жалоба № 47287/15, 21 ноября 2019 г.
Ilievi and Ganchevi v. Bulgaria, жалобы № 69154/11 и № 69163/11, 8 июня 2021 г.
İltümür Ozan and Others v. Turkey, жалоба № 38949/09, 16 февраля 2021 г.
Imakayeva v. Russia, жалоба № 7615/02, ECHR 2006-XIII (извлечения)
Indelicato v. Italy, жалоба № 31143/96, 18 октября 2001 г.

Ioan Pop and Others v. Romania, жалоба № 52924/09, 6 декабря 2016 г.
Ireland v. the United Kingdom, 18 января 1978 г., Series A no. 25
Ireland v. the United Kingdom (revision), жалоба № 5310/71, 20 марта 2018 г.
Irina Smirnova v. Ukraine, жалоба № 1870/05, 13 октября 2016 г.
Isayeva v. Ukraine, жалоба № 35523/06, 4 декабря 2018 г.
Iwańczuk v. Poland, жалоба № 25196/94, 15 ноября 2001 г.
İzci v. Turkey, жалоба № 42606/05, 23 июля 2013 г.

—J—

J.M. v. France, жалоба № 71670/14, 5 декабря 2019 г.
Jalloh v. Germany [БП], жалоба № 54810/00, ECHR 2006-IX
Janowiec and Others v. Russia [БП], жалобы № 55508/07 и № 29520/09, ECHR 2013 г.
Jeronovičs v. Latvia [БП], жалоба № 44898/10, 5 июля 2016 г.

—K—

Kagirov v. Russia, жалоба № 36367/09, 23 апреля 2015 г.
Kanciał v. Poland, жалоба № 37023/13, 23 мая 2019 г.
Kalashnikov v. Russia, жалоба № 47095/99, ECHR 2002-VI г.
Karachentsev v. Russia, жалоба № 23229/11, 17 апреля 2018 г.
Khadzhaliyev and Others v. Russia, жалоба № 3013/04, 6 ноября 2008 г.
Khan v. France, жалоба № 12267/16, 28 февраля 2019 г.
Khlaifia and Others v. Italy [БП], жалоба № 16483/12, ECHR 2016 г. (извлечения)
Korneykova and Korneykov v. Ukraine, жалоба № 56660/12, 24 марта 2016 г.
Krsmanović v. Serbia, жалоба № 19796/14, 19 декабря 2017 г.
Kudła v. Poland [БП], жалоба № 30210/96, ECHR 2000-XI
Kurt v. Austria [БП], жалоба № 62903/15, 15 июня 2021 г.

—L—

Labita v. Italy [БП], жалоба № 26772/95, ECHR 2000-IV
López Ostra v. Spain, 9 декабря 1994 г., Series A no. 303-C
Lutsenko and Verbytskyi v. Ukraine, жалобы № 12482/14 и № 39800/14, 21 января 2021 г.
Lyalyakin v. Russia, жалоба № 31305/09, 12 марта 2015 г.
Lyapin v. Russia, жалоба № 46956/09, 24 июля 2014 г.

—M—

M. and M. v. Croatia, жалоба № 10161/13, ECHR 2015 г. (извлечения)
M.B. and Others v. Slovakia, жалоба № 45322/17, 1 апреля 2021 г.
M.C. v. Bulgaria, жалоба № 39272/98, ECHR 2003-XII
M.F. v. Hungary, жалоба № 45855/12, 31 октября 2017 г.
M.G.C. v. Romania, жалоба № 61495/11, 15 марта 2016 г.
M.K. and Others v. Poland, жалоба № 40503/17 и 2 другие жалобы, 23 июля 2020 г.
M.P. and Others v. Bulgaria, жалоба № 22457/08, 15 ноября 2011 г.
M.S. v. Croatia (no. 2), жалоба № 75450/12, 19 февраля 2015 г.
M.S.S. v. Belgium and Greece [БП], жалоба № 30696/09, ECHR 2011 г.
Mafalani v. Croatia, жалоба № 32325/13, 9 июля 2015 г.

Makaratzis v. Greece [БП], жалоба № 50385/99, ECHR 2004-XI
Marguš v. Croatia [БП], жалоба № 4455/10, ECHR 2014 г. (извлечения)
Maslova and Nalbandov v. Russia, жалоба № 839/02, 24 января 2008 г.
Mătășaru and Savițchi v. Moldova, жалоба № 38281/08, 2 ноября 2010 г.
Members of the Gldani Congregation of Jehovah's Witnesses and Others v. Georgia, жалоба № 71156/01, 3 мая 2007 г.
Milanović v. Serbia, жалоба № 44614/07, 14 декабря 2010 г.
Mocanu and Others v. Romania [БП], жалоба № 10865/09 и 2 другие жалобы, ECHR 2014 г. (извлечения)
Mozer v. Moldova and Russia [БП], жалоба № 11138/10, 23 февраля 2016 г.
Mubilanzila Mayeka and Kaniki Mitunga v. Belgium, жалоба № 13178/03, ECHR 2006-XI
Murray v. the Netherlands [БП], жалоба № 10511/10, 26 апреля 2016 г.
Muršić v. Croatia [БП], жалоба № 7334/13, ECHR 2016 г.
Musayev and Others v. Russia, жалоба № 57941/00 и 2 другие жалобы, 26 июля 2007 г.
Mustafa Tunç and Fecire Tunç v. Turkey [БП], жалоба № 24014/05, 14 апреля 2015 г.
Muyumyun v. Bulgaria, жалоба № 67258/13, 3 ноября 2015 г.

—N—

N.B. v. Slovakia, жалоба № 29518/10, 12 июня 2012 г.
N.Ç. v. Turkey, жалоба № 40591/11, 9 февраля 2021 г.
N.H. and Others v. France, жалоба № 28820/13 и 2 другие жалобы, 2 июля 2020 г.
N.P. and N.I. v. Bulgaria (реш.), жалоба № 72226/11, 3 мая 2016 г.
Najafli v. Azerbaijan, жалоба № 2594/07, 2 октября 2012 г.
Naoumenko v. Ukraine, жалоба № 42023/98, 10 февраля 2004 г.
Necdet Bulut v. Turkey, жалоба № 77092/01, 20 ноября 2007 г.
Neshkov and Others v. Bulgaria, жалоба № 36925/10 и 5 других жалоб, 27 января 2015 г.
Nesibe Haran v. Turkey, жалоба № 28299/95, 6 октября 2005 г.
Nevmerzhitsky v. Ukraine, жалоба № 54825/00, ECHR 2005-II (извлечения)
Nicolae Virgiliu Tănase v. Romania [БП], жалоба № 41720/13, 25 июня 2019 г.

—O—

O'Keeffe v. Ireland [БП], жалоба № 35810/09, ECHR 2014 г. (извлечения)
Okkali v. Turkey, жалоба № 52067/99, ECHR 2006-XII (извлечения)
Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine, жалоба № 1727/04, 24 июня 2010 г.
Öneryıldız v. Turkey [БП], жалоба № 48939/99, ECHR 2004-XII
Opuz v. Turkey, жалоба № 33401/02, ECHR 2009 г.
Orhan v. Turkey, жалоба № 25656/94, 18 июня 2002 г.
Oya Ataman v. Turkey, жалоба № 74552/01, ECHR 2006-XIV

—P—

P.M. and F.F. v. France, жалобы № 60324/15 и 60335/15, 18 февраля 2021 г.
Pantea v. Romania, жалоба № 33343/96, ECHR 2003-VI (извлечения)
Petrosyan v. Azerbaijan, жалоба № 32427/16, 4 ноября 2021 г.
Portu Juanenea and Sarasola Yarzabal v. Spain, жалоба № 1653/13, 13 февраля 2018 г.
Pranjić-M-Lukić v. Bosnia and Herzegovina, жалоба № 4938/16, 2 июня 2020 г.
Preminyin v. Russia, жалоба № 44973/04, 10 февраля 2011 г.

Price v. the United Kingdom, жалоба № 33394/96, 10 июля 2001 г.

Pulfer v. Albania, жалоба № 31959/13, 20 ноября 2018 г.

—R—

R.B. v. Estonia, жалоба № 22597/16, 22 июня 2021 г.

R.R. v. Poland, жалоба № 27617/04, ECHR 2011 г. (извлечения)

R.R. and R.D. v. Slovakia, жалоба № 20649/18, 1 сентября 2020 г.

R.S. v. Hungary, жалоба № 65290/14, 2 июля 2019 г.

Rachwalski and Ferenc v. Poland, жалоба № 47709/99, 28 июля 2009 г.

Ramirez Sanchez v. France [БП], жалоба № 59450/00, ECHR 2006-IX

Raninen v. Finland, 16 декабря 1997, Сборник постановлений и решений 1997-VIII

Razzakov v. Russia, жалоба № 57519/09, 5 февраля 2015 г.

Rodić and Others v. Bosnia and Herzegovina, жалоба № 22893/05, 27 мая 2008 г.

Rooman v. Belgium [БП], жалоба № 18052/11, 31 января 2019 г.

Roth v. Germany, жалобы № 6780/18 и № 30776/18, 22 октября 2020 г.

—S—

S.M. v. Croatia [БП], жалоба № 60561/14, 25 июня 2020 г.

Sabalić v. Croatia, жалоба № 50231/13, 14 января 2021 г.

Sakir v. Greece, жалоба № 48475/09, 24 марта 2016 г.

Salakhov and Islyamova v. Ukraine, жалоба № 28005/08, 14 марта 2013 г.

Salman v. Turkey [БП], жалоба № 21986/93, ECHR 2000-VII

Satybalova and Others v. Russia, жалоба № 79947/12, 30 июня 2020 г.

Savran v. Denmark [БП], жалоба № 57467/15, 7 декабря 2021 г.

Schmidt v. Germany (реш.), жалоба № 32352/02, 5 января 2006 г.

Selçuk and Asker v. Turkey, 24 апреля 1998, Сборник постановлений и решений 1998-II

Selmouni v. France [БП], жалоба № 25803/94, ECHR 1999-V

Semache v. France, жалоба № 36083/16, 21 июня 2018 г.

Shamayev and Others v. Georgia and Russia, жалоба № 36378/02, ECHR 2005-III

Shlykov and Others v. Russia, жалоба № 78638/11 и 3 другие жалобы, 19 января 2021 г.

Shmorgunov and Others v. Ukraine, жалоба № 15367/14 и 13 других жалоб, 21 января 2021 г.

Šilih v. Slovenia [БП], жалоба № 71463/01, 9 апреля 2009 г.

Simeonovi v. Bulgaria [БП], жалоба № 21980/04, 12 мая 2017 г.

Škorjanec v. Croatia, жалоба № 25536/14, 28 марта 2017 г.

Slyusarev v. Russia, жалоба № 60333/00, 20 апреля 2010 г.

Smith and Grady v. the United Kingdom, жалобы № 33985/96 и № 33986/96, ECHR 1999-VI

Soare and Others v. Romania, жалоба № 24329/02, 22 февраля 2011 г.

Soering v. the United Kingdom, 7 июля 1989 г., Series A no. 161

Stanimirović v. Serbia, жалоба № 26088/06, 18 октября 2011 г.

Stefanou v. Greece, жалоба № 2954/07, 22 апреля 2010 г.

Stevan Petrović v. Serbia, жалобы № 6097/16 и № 28999/19, 20 апреля 2021 г.

Strazimiri v. Albania, жалоба № 34602/16, 21 января 2020 г.

Suleymanov v. Russia, жалоба № 32501/11, 22 января 2013 г.

Svinarenko and Slyadnev v. Russia [БП], жалобы № 32541/08 и № 43441/08, ECHR 2014 г.
(извлечения)

—T—

T. v. The United Kingdom [БП], жалоба № 24724/94, 16 декабря 1999 г.
T.M. and C.M. v. the Republic of Moldova, жалоба № 26608/11, 28 января 2014 г.
Tabesh v. Greece, жалоба № 8256/07, 26 ноября 2009 г.
Tali v. Estonia, жалоба № 66393/10, 13 февраля 2014 г.
Talpis v. Italy, жалоба № 41237/14, 2 марта 2017 г.
Tarak and Depe v. Turkey, жалоба № 70472/12, 9 апреля 2019 г.
Taştan v. Turkey, жалоба № 63748/00, 4 марта 2008 г.
Trévalec v. Belgium, жалоба № 30812/07, 14 июня 2011 г.
Tunikova and Others v. Russia, жалоба № 55974/16 и 3 других жалобы, 14 декабря 2021 г.
Tyrer v. the United Kingdom, 25 апреля 1978 г., Series A no. 26

—V—

V. v. the United Kingdom [БП], жалоба № 24888/94, ECHR 1999-IX
V.C. v. Slovakia, жалоба № 18968/07, ECHR 2011 г. (извлечения)
V.D. v. Croatia (no. 2), жалоба № 19421/15, 15 ноября 2018 г.
V.K. v. Russia, жалоба № 68059/13, 7 марта 2017 г.
Valašinas v. Lithuania, жалоба № 44558/98, ECHR 2001-VIII
Varnava and Others v. Turkey [БП], жалоба № 16064/90 и 8 других жалоб, ECHR 2009 г.
Vincent v. France, жалоба № 6253/03, 24 октября 2006 г.
Vinter and Others [БП], жалоба № 66069/09 и 2 других жалоб, ECHR 2013 г. (извлечения)
Virabyan v. Armenia, жалоба № 40094/05, 2 октября 2012 г.
Virgiliu Tănase v. Romania [БП], жалоба № 41720/13, 25 июня 2019 г.
Vladimir Romanov v. Russia, жалоба № 41461/02, 24 июля 2008 г.
Volodina v. Russia, жалоба № 41261/17, 9 июля 2019 г.

—W—

Wainwright v. the United Kingdom, жалоба № 12350/04, ECHR 2006-X
Wieser v. Austria, жалоба № 2293/03, 22 февраля 2007 г.
Willcox and Hurford v. the United Kingdom (реш.), жалобы № 43759/10 и № 43771/12, ECHR 2013 г.
Women’s Initiatives Supporting Group and Others v. Georgia, жалобы № 73204/13 и 74959/13, 16 декабря 2021 г.

—X—

X and Others v. Bulgaria [БП], жалоба № 22457/16, 2 февраля 2021 г.

—Y—

Y v. Bulgaria, жалоба № 41990/18, 20 февраля 2020 г.
Y. v. Slovenia, жалоба № 41107/10, ECHR 2015 г. (извлечения)
Yankov v. Bulgaria, жалоба № 39084/97, ECHR 2003-XII (извлечения)
Yaroslav Belousov v. Russia, жалобы № 2653/13 и № 60980/14, 4 октября 2016 г.
Yatsenko v. Ukraine, жалоба № 75345/01, 16 февраля 2012 г.
Yotova v. Bulgaria, жалоба № 43606/04, 23 октября 2012 г.

—Z—

Z and Others v. the United Kingdom [БП], жалоба № 29392/95, ECHR 2001-V

Z.A. and Others v. Russia [БП], жалоба № 61411/15 и 3 других жалобы, 21 ноября 2019 г.

Zakharov and Varzhabetyan v. Russia, жалобы № 35880/14 и № 75926/17, 13 октября 2020 г.

Zherdev v. Ukraine, жалоба № 34015/07, 27 апреля 2017 г.

Zontul v. Greece, жалоба № 12294/07, 17 января 2012 г.